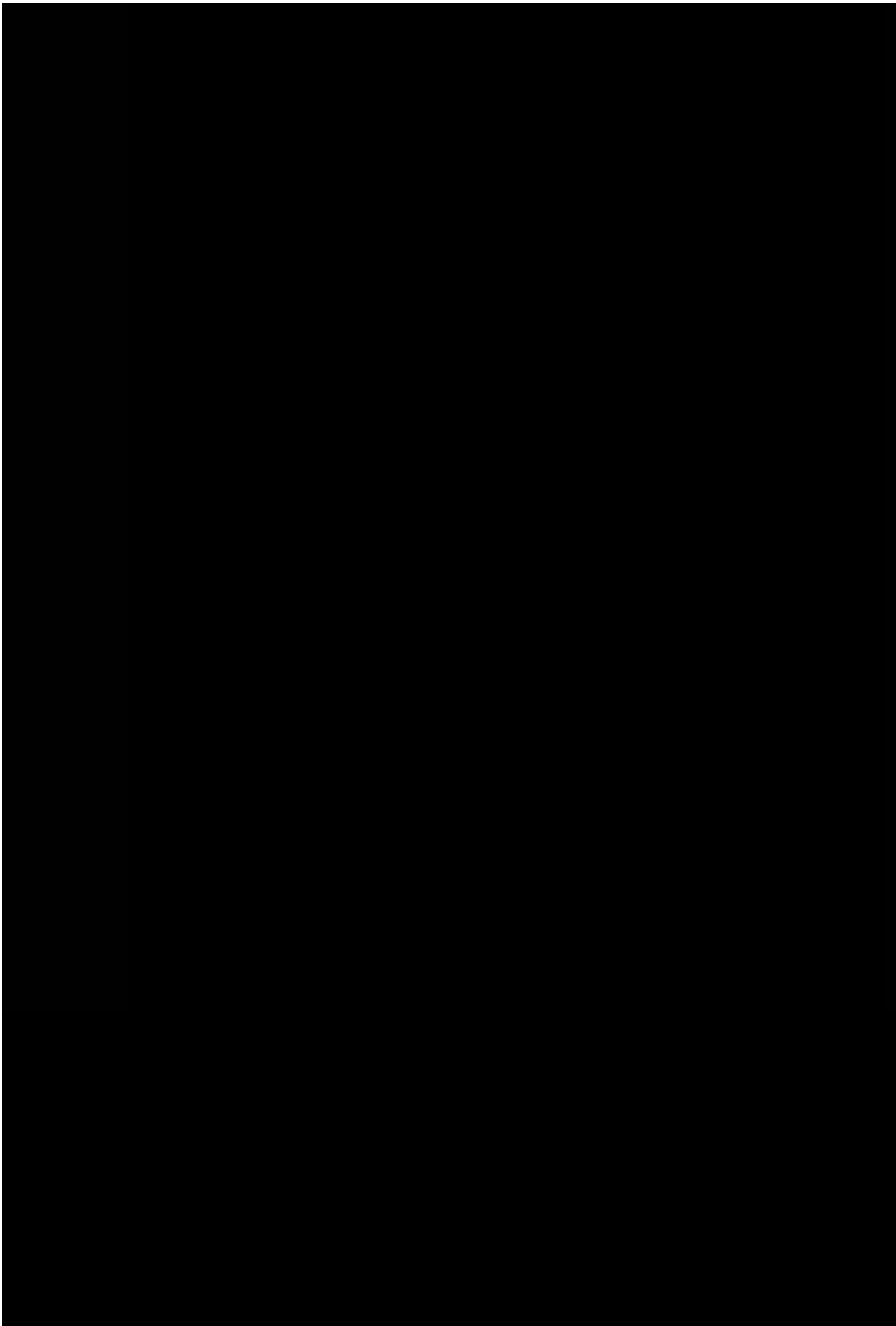

Олег Анатольевич Матвейчев
Суверенитет духа
Серия «Политический бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8341596
Суверенитет духа: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-39219-3

Аннотация

В течение долгих веков европейская культура, европейские ценности и европейский образ жизни служили всему миру универсальным мерилom и эталоном, однако сегодня Европа себя исчерпала, и место «властительницы дум» вакантно.

По мнению Олега Матвейчева, одного из ведущих российских политологов, его может и должна занять Россия. Но для этого недостаточно демонстрации экономической и военной мощи, а агрессивная риторика страны-эгоиста и вовсе сведет все усилия на «нет».

России нужно «влюбить» в себя весь мир, предложив ему нечто невиданное и в высшей степени привлекательное.

Для этого она должна обрести суверенитет духа – научиться мыслить своими собственными категориями, создать новую философию, сделать ставку на развитие образования, науки, искусства, стать главным центром хай-тека и хай-хьюма.

Суверенитет государства, доказывает автор, держится не на экономике, политике или военной силе, суверенитет держится на духовном авторитете, а значит, «философы и поэты» важнее полководцев и политиков. Культурная экспансия важнее военной или экономической. О том, что ждет Россию в XXI веке, как осуществить столь дерзкий и амбициозный план и какие опасности нам угрожают на этом пути, – читайте в книге Олега Матвейчева

Книга «Суверенитет духа» представляет собой сборник статей, посвященных поиску и разработке российской государственной идеологии и методам ее продвижения.

Данная книга есть расширенный и исправленный вариант книги «Суверенитет духа», вышедшей в 2007 году. Практически каждая статья подверглась правкам.

Внесены существенные добавления. Статья «Электронные полемики» увеличена в несколько раз. Появились отдельные статьи: «Государство и коррупция», «Что нам делать с Дальним Востоком», «За перевоспитание олигархов», «Зеленая революция как выход из кризиса».

Из данного издания исключены статьи, имевшиеся в прежнем издании: «Почему американцы побеждают?» (она теперь есть в книге «Уши машут ослом. Сумма политтехнологий»), «Проблема современности и циклы истории», «Современность между «пост-» и «прото-». Их можно найти только в прежнем варианте книги.

Содержание

Предисловие	4
Прощай, немытая... Европа	6
Проект и урок Петра Великого	14
Страна господ	28
Гуманитарное лидерство запада в истории	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Олег Анатольевич Матвейчев

Суверенитет духа

Предисловие

Предисловие должно быть кратким, иначе его не прочтут. Поэтому скажу только, что книга не является монолитной монографией, последовательно разворачивающей какую-либо концепцию. Это сборник статей, написанных в 2004 и 2005 годах (хотя отдельные фрагменты некоторых статей писались с 1993 года в качестве заметок). В данном издании внесены редакторские правки и дополнения уже по свежим следам. В книге не даются ответы, а скорее ставятся вопросы, предлагаются гипотезы и рискованные размышления. Тем не менее, все материалы пронизаны рядом убеждений, которые можно представить в нескольких тезисах:

Россия, безусловно, неординарная страна. Мы часто не задумываемся об этом, но половина населения Земли вообще не знает о существовании, например, Италии, Франции, Германии. Про новые «государства» вроде Грузии и стран Балтии скромно умолчим. А вот о России слышали абсолютно все. Россия известна минимум как самая большая по территории и природным запасам страна. И это неслучайно. Каждая пядь этой земли была военным, культурным, цивилизационным, историческим подвигом наших предков. Пространства и богатства легко не даются. Абы кто такую страну создать бы не смог.

Россия имеет неоспоримые заслуги перед человечеством: спасение миллионов людей от фашизма, выход в космос, мирный атом и прочее. Она совершила ряд выдающихся военных побед, причем зачастую над силами всей Европы, то есть над превосходящим противником. Россия часто задавала повестку дня в мире. Даже проигрывая, она заставляла говорить о себе, заставляла реагировать, Россия определяла тренд, лидировала.

Все это невозможно без неких духовных основ. Военная победа, например, может быть основана только на превосходстве в духе. Равно как и другие победы, в том числе «материальные» и «экономические».

Тем не менее, эти духовные основы ДО СИХ ПОР не эксплицированы и не ясны ни нам самим, ни человечеству. Всякий раз мы прикрывались взятыми напрокат у Европы и Запада миссиями: то коммунизмом, то консерватизмом, то либерализмом с просвещением. И всякий раз выяснялось, что эти миссии были ширмой, не укоренялись глубоко и вообще отбрасывались, когда начиналась серьезная игра. Все попытки эксплицировать самобытные основания были неудачными как, например, в «русской философии» или «советском марксизме» при Сталине и после Сталина. Всякий раз мы после военных побед проигрывали «холодные» войны.

Запад на протяжении всей истории демонстрировал как раз гуманитарное лидерство, благодаря чему и стал тем, чем он является.

Сейчас в истории, пожалуй, единственный момент, когда Запад утратил и лидерство, и миссию, и не в состоянии предложить ничего ни себе, ни другим в духовном плане. Более того, прежние подходы и методы Запада перестают работать.

Но этот пробел можем заполнить мы, на основании решения задачи собственной идентификации, идентификации самобытной, не компаративистской, феноменологической и в то же время общечеловеческой, имеющей значение не только для нас, но для всех. Мы должны перехватить эстафету духовного лидерства! Мы имеем на это право! И мы обязаны это сделать, хотя бы для собственного выживания.

Решив проблему собственного выживания, мы одновременно решаем проблему всего человечества¹.

¹ Данная книга – это 2-е издание, исправленное и дополненное тремя главами и новыми эпизодами интернет-полемики (глава «Электронные полемики»).

Прощай, немытая... Европа

Прощай, немытая Россия! Существует обширная литературоведческая дискуссия о принадлежности этих строк перу Лермонтова. Но кто бы ни оказался истинным автором, важно, что после него эту формулу повторили и повторяют все русофобы, от прибалтов, поляков и так называемых «украинцев» до самых далеких заатлантических друзей, которые и Россию-то видели только в голливудских боевиках. Ярлык грязи, немытости по отношению к русским приклеен достаточно прочно. Он, конечно же, является синонимом нецивилизованности и культурной отсталости.

Казалось бы, в наше «толерантное» и «политкорректное» время те или иные гигиенические традиции различных народов должны списываться на так называемую «культурную специфику». Ну и что с того, что «немытая»? Что это за расизм и тоталитаризм такой, всех под одну гребенку чесать? Негры вон вообще черные, а арабы и индусы – смуглые. У каждого свои нравы, свой, как принято говорить, менталитет! Навязывать свои стандарты непolitкорректно и нецивилизованно! Надо говорить не «немытые», а «народы с альтернативной гигиеной», например!

Но прежде чем перейти непосредственно к русским и понять, являются ли они народом с «альтернативной гигиеной», остановимся коротко на проблеме связи между цивилизованностью и чистотой. Равенство между чистотой и культурой, равно как и вырастающий из этого равенства расизм (превосходство именно арийской, белой, то есть чистой расы), – весьма существенное и глубокое убеждение, поэтому и спекуляция на тему немытости имеет большой эффект. Немытость вызывает физиологическую, психологическую иррациональную брезгливость, которая сама по себе – мощное оружие в информационной войне.

М. Эпштейн написал любопытное эссе «Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры», наблюдая за мухой. Муха, которая на всех плакатах, во всех больницах и учебниках является переносчиком заразы, оказывается, большую часть времени занята ни чем иным как чисткой себя. Она скребет лапкой о лапку, «моет голову». Этим же занимаются и другие насекомые и, тем более, высшие животные. По замечанию зоологов, бабуины и шимпанзе посвящают взаимной чистке одну пятую часть своего времени. Первое, что делает самка после родов – вылизывает детенышей.

Обязательной чистке животное подвергает себя после еды и совокупления. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что самоочищение направлено на отделение организма от среды и повышение его упорядоченности по сравнению со средой. Именно поэтому самоочищение происходит после контакта со средой, с чем-то внешним. Самоочищение символизирует возвращение к самому себе, концентрацию на себе, выделение себя из окружающего мира.

Именно по степени развитости способности к самоочищению выстраиваются градации в животном мире, а также в человеческой культуре. Переход от животного к человеку связан, по мнению известного антрополога Данбара, с новым применением языка. Если у животного язык служит для вылизывания, то у человека – для разговора. С помощью языка члены группы сплетничают, обсуждают друг друга: кто плохой, кто с кем дружит, кто кому нравится. Язык – это способ перебивать косточки ближним, дешевая и сверхэффективная форма взаимоочищения.

Можно выстраивать целые иерархии все более чистых форм культуры. Так, например, гигиена – это способ человека отделять себя от природы ради самой природы, то есть ради здоровья своего тела. Более высокая форма – чувство собственности, на котором держится экономика, – одна из примитивных форм отделения своих вещей от чужих. Выше экономики – политика, которая держится на отделении своей группы, своего общества от чужого. Далее идет эстетика, которая строится на принципе красоты, но быть красивым значит быть вполне

собой, отделить от себя все не свое. Можно вспомнить слова Родена о том, что он создает статуи из мрамора, просто отсекая все лишнее. Этика и религия – следующая ступень, в основе их лежит табу, запрет на прикосновение и на все телесное и природное. Священное – это максимально чистое и духовное. Недаром все религии содержат обряды омовения. Ну, а принцип философии вообще только в том и состоит, что любой идеальный феномен должен постигаться из самого себя: то есть и здесь не должно быть ничего внешнего.

Можно строить иные генеалогии культуры, и данная концепция с ними не полемизирует, но исходя из других оснований: например, Фрейд говорит о несовместимости нечистоплотности с культурой. Теогонические концепции происхождения культуры также отводили существенную роль чистоте и белизне в генезисе культуры. Если выше идет эскалация самоочищения, то есть от все более грязного мы возвышаемся к все более чистому, то там наоборот: некое изначально более чистое, падая, деградируя и загрязняясь, создает весь видимый мир. В любом случае создается некая напряженность между полюсами: на одном находится максимально чистое и упорядоченное, на другом – наиболее смешанное и грязное.

Это отступление сделано специально, чтобы продемонстрировать: проблема чистоты и немытости – не какой-то частный вопрос о культуре и цивилизованности того или иного народа. Этот вопрос завязан на всю западную антропологию, которой не одно тысячелетие! И просто так, с помощью глупых политкорректных формулировок, проблему расизма, например, не решить. Придется пересматривать всю западную гуманитарную науку, что уже и делают постмодернисты. Но сейчас не об этом...

Действительно ли Россия выглядит такой уж немытой в сравнении с более чистыми и светлыми соседями и особенно европейцами?

Первое упоминание о славянах, которое дают западные историки, отмечает как важную особенность именно славянских племен то, что они «льют воду»: то есть моются в проточной воде, тогда как остальные народы Европы мылись в кадушках, тазах, ваннах. Поразительно, но славянина по происхождению даже сейчас, спустя полторы тысячи лет, можно узнать по этой привычке. Недавно пришлось наблюдать за семьей русской эмигрантки, вышедшей за канадца. Их сын, который даже не говорит по-русски, моет руки под открытым краном как мама, тогда как папа затыкает раковину пробкой и плещется в собственной же грязной пене.

Мытье под струей русским кажется настолько естественным, что мы всерьез не подозреваем, что были чуть ли не единственным (во всяком случае, одним из немногих) народом в мире, который поступал именно так. Советские люди в 1960-х годах, когда на экранах появились первые буржуазные фильмы, были в шоке, увидев, как красивая французская актриса вставала из ванны и надевала халат, не смыв с себя пену. Фу!

Но поистине животный ужас русские массово испытали, когда стали выезжать за границу в 1990-х, ходить в гости и наблюдать, как хозяева после обеда затыкают раковину пробкой, кладут в нее грязную посуду, наливают жидкое мыло, а потом из этой раковины, кишасей помоями и нечистотами, просто вытаскивают тарелки и, не ополоснув под струей воды (!!!), ставят на сушку! У некоторых возникал рвотный рефлекс, ведь сразу представлялось, что все ранее съеденное лежало на такой же грязной (!!!) тарелке. Когда об этом рассказывали знакомым в России, люди просто отказывались верить. Считали, что это какой-то особый случай нечистоплотности отдельной европейской семьи.

Обычай «лить воду» отличал раньше в Европе именно славян, был закреплён именно за ними в качестве отличительного признака, который явно имел религиозный древний смысл. Кстати, самоидентификация славян также напоминает о связи с самоочищением. Выше было сказано, что язык, слово есть высшая форма человеческого самоочищения. Самоназвание «славяне» происходит от «слава» и «слово». То есть это означает народ, обладающий словом,

языком – тот, кто умеет говорить. Тогда как отличные от славян люди есть «немцы» – немые, не понимающие.

Есть обоснованное предположение, что славян как единую группу своими нашествиями разбудили к истории именно готы. С тех пор название «немцев» закреплено преимущественно за германцами, хотя раньше, наверное, имело более широкий смысл. Славяне исключали, выделяли себя как тех, кто обладает словом. Кстати, русское слово «чистый» происходит от «цедтый», от глагола «цедить», чистый – процеженный, отфильтрованный².

Ну, а теперь давайте посмотрим на Европу тех веков. С падением Римской империи всякое понятие о чистоте и чистоплотности исчезло. Если в Риме для людей в достатке еще были термы (бани), то Европа этот обычай не унаследовала.

ВНИМАНИЕ! С V по XII век, то есть 700 лет, Европа не мылась вообще! Этот факт отмечают многие историки. Мылись два раза в жизни – после рождения и перед смертью. Монархи мылись перед праздниками в большой деревянной бочке, в собственной грязи и пене. Чтобы не греть воду десять раз, после монарха в бочку по очереди залезала и вся придворная свита! Русская княжна Анна, ставшая французской королевой, была не только единственным грамотным человеком при дворе, но единственной, кто имел привычку мыться и содержать себя в чистоте.

Некий Дионисий Фабриций, настоятель кирхи в Феллине, в изданном им сборнике об истории Ливонии поместил рассказ, связанный с монахами монастыря Фалькенау под Дерптом (ныне Тарту), сюжет которого восходит к XIII веку. Монахи недавно основанного доминиканского монастыря добивались от Рима денежных субсидий, а просьбу подкрепляли описанием своего аскетического времяпрепровождения: каждый день, собравшись в специально выстроенном помещении, они разжигают печь так сильно, как только можно терпеть жар, после чего раздеваются, хлещут себя прутьями, а затем обливаются ледяной водой. Так они борются с искушающими их плотскими страстями. Из Рима послан был итальянец, чтобы проверить истинность описанного. Во время подобной банной процедуры он едва не отдал Богу душу и поскорее убрался в Рим, засвидетельствовав там истинность добровольного мученичества монахов, которые получили просимую дотацию.

Если бы не крестовые походы, Европа не мылась бы еще дольше. Крестоносцы поразили и арабов и византийцев тем, что от них разило «как от бомжей», как бы сказали сейчас. Запад предстал для Востока синонимом дикости, грязи и варварства. Да он и был этим варварством.

Вернувшиеся в Европу пилигримы попытались внедрить подсмотренный обычай мыться в бане, но не тут-то было! С XIII века бани официально попали под запрет Церкви как источник разврата и заразы (!!!). Так что галантные рыцари и трубадуры той эпохи источали вонь на несколько метров вокруг себя. Не лучше были и дамы. До сих пор можно увидеть в музеях изготовленные из дорогого дерева и слоновой кости чесалки для спины и блохоловки...

XIV век был, наверное, одним из самых страшных в истории Европы. Ни одна гражданская, межрелигиозная или мировая война не принесла столько бедствий, сколько эпидемия чумы. Италия, Англия потеряли половину (!!!) населения, Германия, Франция, Испания – более трети (!!!). Сколько потерял Восток достоверно не известно, но известно, что чума

² Указание на схожесть слов slave (раб) и «славянин», которым часто злоупотребляют ненавистники славян, видящие в этом «рабскую природу, отразившуюся даже в самоназвании», имеет объяснение. Воинственные германцы часто брали славян в плен и обращали их в рабство (поскольку славяне – самые близкие соседи). Постепенно слово из имени собственного превратилось для германцев в имя нарицательное, так же как мы сейчас называем ксероксами все копируемые аппараты, а памперсами – все виды подгузников. Видеть некую рабскую природу одного народа на основании того, что у другого народа название ассоциируется с рабством так же нелепо, как видеть природу немцев в немоте и непонимании только на основании того, что у славян используется именно такое для них обозначение.

пришла из Индии и Китая через Турцию и Балканы... Она обошла только Россию и остановилась на ее границах, как раз там, где были распространены... бани. Вот такая биологическая война тех лет.

То, что русские и славянство вообще до сих пор являются одной из самых многочисленных в мире этнических групп, несмотря на то, что больше всех в истории воевали и подвергались геноциду, это не из-за какой-то особой славянской плодовитости, а благодаря чистоплотности и здоровью. Нас всегда обходили стороной или мало затрагивали все эпидемии чумы, холеры, оспы...

Еще Геродот в V веке до н. э. говорит о жителях степей северо-востока, что они льют воду на камни и парятся в хижинах. По разным преданиям в I веке баней славяне встретили Андрея Первозванного. Но это легенды. А вот что точно известно, так это повеление князя Владимира строить бани как «заведения для немогущих» (больных). Ведь баня – это не только чистота, но и здоровье, гипоксическая терапия, массаж, прогрев и проч. Тогда, кстати, Владимир привез новшество из Новгорода. И сами бани назывались «новгородскими». Возможно, русские подсмотрели этот обычай у финно-угров, но главное, что переняли, а не откинули как дикий.

После ополячивания Галиции и Волыни бани там исчезли, так же как русский язык превратился в «мову», а народные сказки стали повествовать не о подвигах Ильи Муромца и не о стольном Киев-граде (как можно до сих пор еще слышать в архангельских и вологодских деревнях, за тысячи километров от Киева), а о ксендзах и хитрых крестьянах (типично польские сказки). После великого переселения Руси на северо-восток в XI–XII веках вместе с русской культурой, русским языком, сказками, песнями, столицей, правящей династией и названием народа из Червонной и Малой Руси ушли и бани.

Россия и баня неразделимы. Одним из обвинений, предъявленных Лжедмитрию I, было то, что он не мылся в бане, хотя ему готовили ее каждый день. Ополячился, набрался европейской культуры... В изданной в 1644 году в Европе книге «Законы французской вежливости» советовали каждый день мыть руки, а лицо «почти столь же часто». А еще в культурной Европе в это время специально ставили блюдца на стол, чтобы желающий мог культурно давить пойманных на себе вшей. А вот в «варварской» России блюдца не ставили, но не по скудоумию, а просто потому, что надобности не было – не было вшей. И. Солоневич также сообщает, что в XVII веке в Версальском дворце галантные дамы и кавалеры отправляли естественные надобности прямо в коридорах. Собственно новый дворец короли строили всякий раз, чтобы покинуть старый, который вместе с окрестностями представлял собой сортир для многочисленной дворни. Чтобы такое происходило в палатах Московского царя, трудно даже помыслить.

Длиннополые плащи и широкие шляпы мушкетеров тоже не просто дань моде, а необходимость. Дело в том, что жители городов, не стеснясь, выливали помой прямо из окон на голову прохожих. Было это настолько часто, что даже повлияло на моду, причем на столетие. А еще столетия понадобились европейским городам, чтобы наконец-то приучить горожан не выливать нечистоты на улицах и ввести коммунальные службы. В разных городах они впервые появились только в XVIII–XIX веках! До этого города с цивилизованными горожанами распространяли вонь на несколько верст вокруг. Путники сначала чуяли запах города, а уже по мере приближения начинали видеть его строения.

Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло: благодаря европейской нечистоплотности и «вонючести» появилась потребность в парфюмерии, которая и стала настоящей отраслью промышленности.

Может быть, монархист и славянофил Солоневич напраслину возводит? Но тогда послушаем современного писателя П. Зюскинда, славного тем, что всегда до мельчайших подробностей воспроизводит детали быта описываемой эпохи. Вот описание главного

города Европы, Парижа, в самый расцвет XVIII века, прозванного веком галантным: «Улицы провоняли дерьмом, задние дворы воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим деревом и крысиным пометом, кухни – порченным углем и бараньим жиром; непрветриваемые комнаты воняли затхлой пылью, спальни – жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожевенных мастерских воняло едкой щелочью, из боен воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и нестиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их животов – луковым супом, а от тел, если они уже не были достаточно молоды, старым сыром и кислым молоком, и онкологическими болезнями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворах. Крестьянин вонял как и священник, ученик ремесленника – как жена мастера, воняло все дворянство, и даже король вонял, как дикое животное, королева, как старая коза, и летом, и зимой... И в самом Париже опять-таки было одно место, в котором вонь господствовала с особой inferнальностью, а именно Кладбище Невинных. На протяжении 800 лет сюда привозили десятки трупов и сбрасывали в длинные ямы... и позднее накануне Французской революции, после того, как некоторые ямы опасно провалились и вонь переполненного кладбища вынуждала жителей не просто к протестам, а к восстаниям, оно, наконец, было закрыто и заброшено... а на его месте был сооружен рынок съестных товаров» (!!!).

Иностранцы, приезжающие в Россию, наоборот, подчеркивали чистоту и аккуратность русских городов. Здесь дома не лепились друг к другу, а стояли широко, были просторные, проветриваемые дворы. Люди жили общинами, миром, а это значит, куски улиц были «общими» и поэтому никто, как в Париже, не мог выплеснуть ведро с помоями просто на улицу, демонстрируя, что только мой дом частная собственность, а на остальное наплевать!

Единственный город в России, который был мерзок и вонюч, именно не на площадях и проспектах, а в подворотнях и жилых кварталах, был самый европейский город Санкт-Петербург. Недаром эту его специфику запечатлели Некрасов в стихах и Достоевский в «Преступлении и наказании». Но это было уже в XIX веке.

Может быть, в Европе XIX век что-то изменил? Да, но благодаря русским, которые вошли в Европу и привезли с собой походные бани. Но потребовалось еще почти 100 лет, чтобы, например, в Германии началось массовое строительство общих бань и немцы приучились мыться каждую неделю. Без шуток, в 1889 году «Немецкое общество народных бань» зазывало граждан в бани и писало рекламные объявления: «каждому немцу баня раз в неделю». И то на всю Германию в начале XX века насчитывалось всего 224 бани.

Все века европейцы по традиции мылись в купальнях, больших бочках или тазах, в своей же пене или грязи, и делали это не чаще, чем раз в месяц или перед важными праздниками или событиями. Но может, это только простой народ в Европе был немыв, а знать могла себе позволить жить в чистоте? Нет, гигиенические привычки распространялись на всех, независимо от сословий. Вот Юст Эль, датский посол в России в начале XVIII века, удивляется на русскую чистоплотность, вот Уэллслей, английский военный атташе при Александре II, удивляется еженедельному мытью русских...

Вообще очень полезно прочитать всем книжку «Россия это сама жизнь», изданную Сретенским Монастырем в 2004 году. У книги более двухсот авторов, все это иностранцы, которые побывали в России с XIV по XX век и оставили свои заметки и впечатления. Такую подборку надо было издать уже давно, ведь действительно в Россию приезжали миллионы иностранцев! И, конечно, они оставляли воспоминания. Но у нас на все случаи жизни привыкли цитировать одного только маркиза де Кюстина. Его феномен именно в том, что он единственный из миллионов иностранцев, побывавших в России (в том числе в плену), оставил о ней негативные тенденциозные впечатления. Тогда, перед Крымской войной, в Европе нужен был такой автор, там как раз нагнеталась антироссийская истерия перед будущими

схватками. Оттого и был он десятки раз переиздан в Европе, а затем и в СССР в «демшизоидном» 1990-м году аж три раза, аж 700-тысячным тиражом!!! То, что написанное Кюстином зачастую банальная клевета и невежество, прекрасно показали В. Кожин и К. Мяло.

Миллионными тиражами должны быть изданы мемуары десятков послов в России, пленных, политических деятелей, путешественников. Практически все написанное ими может быть подытожено одной фразой: «Все иностранцы ехали в Россию русофобами, а возвращались русофилами».

Есть масса курьезных фактов. Например, всем известно, что фашистская пропаганда научила немцев воспринимать русских не иначе как «руссиш швайн», свиней. Но немногие знают, что во вторую мировую войну для ведомства Геббельса встала серьезная проблема, что делать: от сотен тысяч немцев, у которых в услужении были угнанные в рабство славяне, шли письма и отзывы на тему того, что официальной пропаганде нет доверия, ведь «русские оказались более чем людьми», а вовсе не свиньями. Прочитайте воспоминания немецких военнопленных, в мозг которых не вмещалось, как это русские женщины, мужей которых они убивали на войне, дети которых гибли под бомбами, приходили на стройки и брали у немцев на дом вещи для стирки...

Квартиры с ванными появились в Европе только в 60-е годы XX века, а походы в бани, хоть в общественные, хоть в экзотические типа саун, русских бань, терм и хамамов являются редкостью. В России же и в советские времена культ чистоты и гигиены поддерживался с особой настойчивостью. Кто не помнит строки из стихотворения Маяковского про мальчика, который любит мыло и зубной порошок? Кто не знает «Мойдодыр» К. Чуковского? Кто не знает песню про то, что «от всех болезней нам полезней солнце, воздух и вода»? Кто из советских людей не видел плакатов «Чистота – залог здоровья» и «Мойте руки перед едой»? Кстати, вопрос русских: «А где тут у вас можно вымыть руки?» до сих пор удивляет иностранцев. Те руки перед едой не моют, если они не очевидно грязные.

Что касается бань, то в России до сих пор это поголовная любимая народная традиция. Даже урбанизированные городские жители выбирают на дачи или к старикам в деревню, где баня есть обязательно, если не у себя, то у друзей или соседей. Это отличительная черта русского образа жизни, не имеющая аналогов в мире – банька на природе. Но русские любят и общественные бани, как герои фильма «Ирония судьбы, или с легким паром».

Общаясь с эмигрантами, покинувшими Россию в последние 30 лет, можно действительно сделать вывод, что впервые за тысячелетнюю историю Запад превзошел Россию в вопросах чистоты и гигиены. Действительно, сейчас на Западе есть и ванны, и душ, и биде, и джакузи в огромном количестве, царский ассортимент всевозможных средств гигиены, моющих и чистящих средств, туалетная бумага в каждом общественном туалете и многие другие достижения «культуры». Но и здесь бизнес, производство этих средств гигиены и косметики, и реклама сделали свое черное дело: перебор! Современный западный человек живет как под стеклянным колпаком: ему недоступны даже полезные бактерии и микробы, он не имеет иммунитета против элементарных заболеваний, шкафы его полны лекарствами, без которых он, как наркоман, уже не может обойтись даже при самой безобидной простуде.

В гигиене, как и во всем, нужна мера. Впрочем, если захотеть, можно найти массу цифр, которые бы свидетельствовали о том, что и до меры там далеко. Например, во Франции вши до сих пор нормальное явление, мази в аптеках от них продают. В Англии в частных школах от вшей стригут детей коротко, а моют по пять штук в одной ванной. В Японии 95 % детей больны аскаридозом. И так далее, и тому подобное.

Недаром наша нация была и остается одной из самых здоровых наций мира. Здоровью и физической красоте русских иностранцы поражались во все времена. Можно пройти по улицам и понять это, посмотрев на русских женщин. А ведь это не просто местная специфика, данная природой. Женщины – хранители элитного генофонда. Как утверждают гене-

тики, мужской набор генов всегда экспериментален, и большая часть генного набора мужчин – это генетический мусор, не прошедший эксперимент. Только то, что оказалось полезным и прошло обкатку, передается женщине на одно поколение позже. По красоте и здоровью женщин можно судить о генофонде. И тут не европейцам и американцам нас судить.

Уникальное исследование распространенности врожденных медицинских пороков проводилось в 193 странах мира американскими учеными по заказу общественной организации March of Dimes, занимающейся помощью детям с врожденными недугами. В исследованиях учитывались врожденные пороки генетической или частично генетической природы, в том числе пороки сердца, пороки медуллярной (мозговой) трубки, талассемия и серповидно-клеточная анемия (болезни крови, связанные с нарушением структуры гемоглобина), синдром Дауна.

Общие выводы специалистов March of Dimes были неутешительными: в целом по миру каждый 16-й новорожденный имеет серьезные генетические отклонения. Основная причина – плохая экология, вредные химические вещества или некоторые виды инфекции, попадающие в организм будущей матери, а также кровнородственные браки и поздние роды.

Результаты исследования показали: генетическое здоровье нации в России до сих пор остается одним из лучших в мире. Число врожденных дефектов на 1000 детей, появившихся на свет в нашей стране, оказалось равным примерно 42. Мы занимаем пятое место в мире по уровню генетического здоровья. В конце списка оказались Бенин, Саудовская Аравия и Судан с показателями от 77,9 до 82. Среди постсоветских стран худшие показатели у Таджикистана (75,2) и Киргизии (73,5). Примечательно, что США с их хваленой медициной и модой на здоровый образ жизни оказались лишь на 20-м месте, уступив своей южной соседке Кубе.

«Исследование подтверждает, что в наследство от предков россиянам достался хороший, надежный генотип, а это – основа здоровья, – говорит заместитель директора медико-генетического центра РАМН по науке профессор Александр Чеботарев. – В целом их данные вполне сопоставимы с теми, что мы получаем в выборочных исследованиях. Важно, чтобы люди понимали: в наших силах преумножать здоровье будущих поколений, а не бездумно растрачивать то, что досталось от дедов и прадедов».

Итак, слухи о том, что российская нация вымрет не позднее чем к следующему вторнику, в очередной раз не подтвердились. Как и тот «непреложный факт», что генетическое здоровье нации напрямую зависит от «уровня развития демократии» в той или иной стране. Впрочем, то, что американцы уступают нам целых 15 позиций в грустном реестре, почему-то не удивляет. Достаточно пересмотреть фильм «Двойная порция» Моргана Сперлока, чтобы понять, какая участь ожидает в перспективе нацию, придумавшую быстрое питание в картонных пакетиках. Мы же, не женатые на кухнях, в отличие от президента Рузвельта и писателя Эдгара По, предпочитающие растворяющей медяки кока-коле домашний квас и пиво без консервантов, не боящиеся ни свирепых морозов, ни социальных потрясений, все детство проводившие на футбольных полях, а не в душных квартирах за плейстейшеном, имеем все шансы остаться нормальными и здоровыми.

Да, средняя продолжительность жизни в России в последнее время резко упала, но это временное явление, возникшее по причине мягкого геноцида, называемого «перестройкой» и «демократическими реформами». Но с тысячелетним здоровым генетическим заделом все легко восстановится, как только Россия окончательно вылечится от демшизы.

На этом можно было бы поставить точку, но один демшизоид, которому я приводил уже вышеизложенные аргументы в сходном споре, продемонстрировал своего рода лазейку, которую мне хотелось бы закрыть. Дескать, когда говорят о «российской немытости», имеют в виду не личную гигиену, а грязь в быту, мусор на улицах, зассанные лифты и слово из трех букв на заборах.

Не знаю... Да, иной раз у самого сердце сжимается, когда проезжаешь российскую деревню. Покосившиеся некрашенные заборы, заросшие палисадники... Но это же просто бедность! Это смерть деревни, урбанизация. Трудно что-то требовать от оставшихся в деревне стариков, доживающих последние годики, и от безработных спивающихся бывших «знатных хлеборобов и механизаторов». Однако если зайти к старикам в дом, там все чисто и прибрано, каждая вещь на своем месте.

Вспоминаю молодость и студенческие общежития: самые грязные, кишасшие тараканами комнаты всегда были у иностранных студентов. Наши же, особенно девчачьи, всегда были чистыми и уютными.

И вот еще что. Одна из отличительных традиций. Всегда и везде в России на пороге люди снимают обувь. Как, помнится, восторгалась наша демшизоидная интеллигенция тем, что за границей туфли никто не снимает. Как удобно! Но чистота на самом деле всегда связана с жертвами в ее пользу. Не мыться месяцами тоже «удобно». А ведь вход с улицы в обуви – это грязь, пыль, настоящее свинство. Ведь в доме играют дети, если маленькие, то они ползают по полу... Большинство квартир иностранцев, в которых я побывал, напоминали либо общежития, либо номера гостиниц, прежде всего из-за грязного от уличной обуви пола. Кстати, сейчас все больше распространяется обычай по всему миру все же снимать уличную обувь и пользоваться тапочками. У них только распространяется, а у нас всегда было так!

О виде наших городов и поселений в прошлом уже говорилось выше. Что касается настоящего, то действительно, есть места на земном шаре, где подобных явлений крайне мало. Какая-нибудь новая Англия, Санта-Барбара, маленькие городки Германии, Италии или Фландрии. Но в Англии есть свой Ливерпуль, в Италии – довольно дурно пахнущая Венеция. Даже в Германии есть такие города-монстры как Белефельд, например. В нем жить нельзя. Говоря про Америку, нужно помнить о Гарлемах, Бронксах и метро Нью-Йорка. Надо помнить о фавелах всех городов Южной Америки, о восточных гетто. В Китае даже посреди самых современных небоскребов Шанхая и Пекина есть хутуны – страшные нагромождения каморок размером с купе, где живут сотни миллионов человек. В Каире, столице Египта, нищие тысячами живут прямо на кладбищах!

Я уже говорил, что являюсь заядлым путешественником и побывал во многих странах. В отличие от большинства знакомых, я никогда не выезжал «по путевке», через турфирму или по линии политического туризма – во всех этих случаях показывают «витрину». Я всегда ездил абсолютно самостоятельно и смотрел что хотел и сколько хотел.

Граффити и засанные подъезды я видел абсолютно во всех больших городах. В Париже несколько раз в течение дня наступил в собачье дерьмо, в самом центре города. Видел клошаров, валяющихся на тротуарах в собственной моче. Но самый большой аргумент моя двухчасовая видеокассета из центра Европы – из Брюсселя. Там более-менее приемлем для человеческого взгляда только центр, остальное – мрачные каменные джунгли, разбитые стекла, изрисованные стены, горы мусора, грязи и ни одного белого лица вокруг.

Из этой «столицы цивилизованной Европы» нам диктуют, как жить. Эти люди учат нас не ковыряться в носу! Когда мы с дочкой прилетели прямо из Брюсселя в Москву, она сказала: «Папа, как здесь чисто!». Это про Москву-то, которая для всех россиян отнюдь не является образцом чистого города!

Прошу прощения, если доставил кому-то несколько неприятных минут, но таков уж предмет разговора, не мы его начали, а ненавистники России. Если же от неприятного чувства вы хотите поскорей избавиться и обрести «истинную свежесть», не советую новый гель или антиперсперант. По русской традиции вымойте руки, а еще лучше – сходите в баньку, с веничком, с березовым... Прекрасное средство от западного грязного пиара...

Проект и урок Петра Великого

С приходом к власти «питерской» команды многие аналитики всерьез заговорили о возможной реставрации в России так называемого «петровского проекта». Но поскольку в первый срок президентства В. Путина внятной идеологии и стратегии развития России так и не было озвучено, разговоры стихли. Но потом, в связи с активизацией творцов и интерпретаторов национальной идеи, а также в связи с необходимостью идеологии для «преемника», разговоры о проекте «Петр Великий – перезагрузка» участились. К тому же, в 2009 году в Санкт-Петербурге планируется большой «Конгресс петровских городов», и личность Петра Великого будет популяризироваться всеми центральными СМИ. Между тем, еще далеко не ясно, что означал в свое время сам проект Петра Великого. И что значит Петр для нашей истории. Попытаемся осмыслить это феномен.

Личность Петра I волновала и волнует умы всех исследователей истории России. Пожалуй, нет фигуры в русской истории более противоречивой, неоднозначной и подверженной диаметрально противоположным оценкам.

Эпоха Петра – своего рода переломная точка между «старой» и «новой» Россией. Недавно советский фильм про петровскую Россию назвали «Россия молодая», как будто не было предшествующей почти тысячелетней истории, как будто все началось с нуля.

Характеристики Петра самые противоположные. Он и государь, «вернувший Россию на путь цивилизации», совершивший славные победы, расширивший территорию России, превративший ее в Империю, «прорубивший окно в Европу», давший начала наукам и Просвещению, основавший промышленность. И он же душегуб, и палач, и пьяница, столкнувший Россию с великого собственного пути, подражатель европейцам, гонитель Православия, уничтоживший патриаршество, антихрист, исторический неудачник, так как дело его и мечты оказались непрочными и нереализованными.

Чтобы понять логику Петра и то, что он сделал, надо напомнить, какой он застал Россию, какую миссию она тогда несла, какой кризис поразил страну и почему ему требовалось срочно искать новый путь. Только так мы сможем понять, «абсурдные» и самоедские ли были действия первого русского Императора.

На первый взгляд, деяния Петра иначе как предательством не назовешь. Ведь он упразднил патриаршество, ущемил в правах православную церковь, которая была сердцем и организатором борьбы с монгольским игом, вела миссионеров на Восток и расширяла пределы России. Церковь дала миссию, идеологию Московскому царству, которое внушило уважение и страх всей Европе. Церковь была организатором ополчения против панской Польши, силы которой вдвое превосходили силы России. Наконец, церковь поставила на престол самих Романовых. И вот что получила вместо благодарности! За это многие славянофилы ненавидят Петра и повторяют вслед за современниками, что он антихрист. Кто как не антихрист мог сгубить «Святую Русь», как теперь принято называть Русь допетровских времен.

Россия как носительница «истинной православной веры», Святая Русь, действительно существовала, если не со времени принятия христианства, то уж точно со времени начала монгольского ига, которое спровоцировало процесс усиленной самоидентификации. Россия в XII–XV веках, образно говоря, покрылась сетью церквей и монастырей, стала страной с невиданной духовной концентрацией, давшей десятки, сотни святых в короткий период, что сопоставимо со временами гонений на церковь в Римской империи. Процесс этот шел и дальше: и после преподобного Сергия Радонежского, и после избавления от ига, и после провозглашения Патриаршества.

Чем объяснить столь невиданный духовный подъем? Французский философ Ж. П. Сартр, участник Сопротивления, произнес когда-то парадоксальную фразу: «Никогда Франция не была более свободной, чем в период фашистской оккупации». Он ухватил единый феномен, иногда возникающий в истории великих народов: феномен спровоцированной самоидентификации. Именно при столкновении с Другим возникает борьба за Свое, понимание Своего, развитие Своего. Известна, например, история вавилонского плена, в который попал народ Израиля. Плен длился 70 лет. За это время израильтяне, которые не были в плену, забыли свои традиции, женились на иноверках... Но вот вернулись те, кто все 70 лет хранили верность религии отцов и дедов. Вернулись фанатики, которые стали наводить порядок. Строжайше соблюдали заповеди, даже жен-инородок прогнали... Как знать, может, если бы не плен, не было бы сейчас никакого мирового еврейства...

На Россию монгольское иго (что бы под ним ни подразумевалось) действовало как вавилонский плен на Израиль. Она вышла из него верной традициям, закаленной, мобилизованной, с четким ощущением своей самости, так, что Иван Грозный на предложение «давай жить как в Европе» от Андрея Курбского ответил: «Россия не есть Европа, Россия есть Израиль!». Это означало провозглашение гораздо более высокого статуса: мы, подобно Израилю, избранный народ, а не какая-то там окраина Европы! Инок Филофей создавал концепцию «Москва – третий Рим». Иван III, памятуя о роли церкви, делает единственной своей программой защиту «старины и Православия». И действительно, при нем Россия достигает небывалых вершин могущества. Памятник Ивану Великому уже давно просится в самый центр столицы!

Но уже при Иване Грозном произошел серьезный сбой. С чем же он связан? Почему так уверен был в «старине и Православии» Иван III и так колебался Иван IV? Иван Грозный, пытаясь решить проблему выхода к Балтийскому морю, осознал: *насколько успешны были наши походы на Восток и несение «истинной религии» диким народам Урала и Сибири, настолько неуспешны были наши войны на Западе.*

Россия постепенно начала играть роль прокладки, занимая своего рода промежуточное положение между цивилизованной Европой и дикой Азией. Православие как миссия годилось для наступления в одну сторону и не годилось для наступления в другую. Оно годилось для защиты и не годилось для экспансии. Православие может быть национальной религией России и средством покорения язычников, но не может быть чем-то сверхценным для европейцев, которые имеют свое христианство. На уровне идеологии мы можем в лучшем случае полемизировать, но у нас нет идеологии выше европейской. Более того, Европа начинает показывать и некое гуманитарное превосходство: появляются новые невиданные ранее социальные концепции и идеи. Поэтому Иван Грозный начинает смотреть в сторону Европы и изучать ее опыт.

Иван Грозный, вопреки мнению многих историков, видящих в нем типично азиатское явление, наоборот, был в значительной мере заражен «европейскостью». После неудачных ливонских войн он впадает в кризис и всерьез думает о европейском, по сути, проекте перехода от теократической монархии к светской. Он страдает раздвоением личности. Он еще в споре с Курбским твердо придерживался мнения, что «Россия есть Израиль, а не Европа», но в то же время учреждает опричнину. Ведь постановка себя над Церковью и жестокие казни – сугубо европейское, невиданное ранее на Руси дело.

Иван Грозный во всем (даже в брачной жизни) брал пример со старшего современника англичанина Генриха VIII. Генрих, а также испанские короли Карл V, Филипп II, французский король Карл IX казнили своих подданных сотнями тысяч, так что 3000–4000 жертв Ивана Грозного – просто невиданный «гуманизм и мягкотелость» в сравнении с «цивилизованной Европой». Но именно для России это и был шок, потому что такого зверства от своего государя, от отца, по отношению к своим же православным она не ожидала.

Сам Грозный бесконечно кается, вновь возвращается к казням и кается опять. Эта маятниковость, маята в «голове» России во сто крат увеличенной отразилась в теле государства: Россия пошла вразнос. Царь сам показал пример, как можно убивать митрополита, лгать, казнить, нарушать все заповеди, а уж если это позволено царю, с которого больший спрос у Бога, то что ждать от слабых простых людей.

Все стало разрешено, все позволено... Началось смутное время, упадок, прежде всего духовный, череда предательств, толкотни возле трона и проч. Смута спровоцировала поляков к агрессии, а градус русофобии в Европе и так был за предшествующие 100 лет поднят достаточно... Россия теряет суверенитет, прерывается 600-летняя династия, в Кремле сидят марионетки иностранных государств, чего не было уже целый век. Польша в два раза больше России по населению, богаче, превосходит науками и просвещением, превосходит в военном отношении... Все безнадежно.

Но Россия победила. Ее спас собственный народ, а не предательская элита. Был возвращен суверенитет, на Соборе с молитвами учреждена новая династия, истинное Православие торжествует над неистинным католичеством. Чего же еще? Все теперь понятно: в выборе между «европейскостью» и «израилевостью» должна однозначно побеждать концепция России как богоизбранного народа.

Вот, говорили в элите, вспомните смуту: царь Иоанн заколебался в вере, мы пришли в смятение и чуть не погибли, а Бог и православный люд спасли Россию. Теперь очевидно, что Православие должно быть и вечно оставаться нашей миссией. Причем, раз оно нас спасло, то мы должны всерьез заняться им, отдать ему дань; мы должны найти истину внутри истины, суть внутри сути и ответить на вопрос: что делает истинное Православие истинным и православным?

Патриарх Никон берется за эту проблему, ведомый миссией России как Израиля. В Подмоскovie он основывает новый Израиль, новый Иерусалим (Новоиерусалимский монастырь). Здесь течет новый Иордан (переименованная р. Истра), здесь теперь будет всемирная Мекка Православия, здесь будет наш Ватикан, и миллионы паломников должны будут устремиться сюда со всего мира.

Фигура Никона в нашей истории выдающаяся. В нем так и не увидели главного. Он, на исторической развилке, направил Россию на определенный путь, а именно: не на путь исключения и культивирования в себе своей личности и инаковости, а на путь включения в большой мир, в большее пространство. Если бы мы, упиваясь своей спецификой, сохранили в себе отличия нашей обрядовости от других, то мы бы лишили себя шанса жить в гармонии со всем великим православным миром, а значит, лишили бы себя шанса в будущем объединить его под собой, стать центром Православия.

Никон хотел стать православным Папой, мечтал, чтобы хоть в будущем Россия как духовное пространство превосходила свою политическую величину, а не равнялась ей. Светские государи были бы лишь орудием в руках духовной власти, поэтому логика требовала, чтобы Никон был не меньше царя.

Невиданный религиозный подъем и общественная дискуссия вокруг Православия, однако, спровоцировали ужасный раскол. Концепция «избранничества» вообще потенциально чревата расколами. Она хороша, когда неизбранные, неверные и неистинные нападают на нас, избранных, и мы защищаемся, мы умеем выживать. Стоит лишь внешнему прессингу прекратиться, внутри начинается дискуссия, кто более избран из избранных, так как логика избранничества требует продолжения избирания, отделения все более лучших от все более лучших, овец от козлищ, зерен от плевел, зерен и овец элитных от просто овец и зерен, и так до тех пор, пока не останется самая суть, самая избранная избранность, вытяжка высшей пробы.

Собственно Церковь (по-гречески: эк-клезиа) означает не собрание и соборность, как это часто переводят, а именно избранность (в противном случае была бы не эк-клезиа, а су-клезиа), а глагол эк-клею означает исключая.

Половина тогдашней России ушла в раскол. Не так принципиально, кто в этом случае прав, кто виноват. Действительно ли надо было переписывать богослужебные книги по греческим образцам и креститься тремя перстами. Важно то, что было понятно: царство, «разделившееся в себе не устоит». И царь Алексей Михайлович, который раньше готов был к теократии, вынужден показать Никону на его место – НИЖЕ себя и стать арбитром между раскольниками. Он вынужден был возвращать протопопа Аввакума, мирить всех, наказывать и казнить тех, кто не захотел замирения (опять же, раскольников).

Прошло 100 лет, а возникла та же проблема, что и перед Иоанном Грозным. И опять стало очевидно: Православие хорошо для защиты, для колонизации язычников (территория России за это время, между прочим, утроилась), которые не считают себя избранными, но не годится для наступления, для прорыва в Европу, которая тоже имеет христианское мировоззрение и считает его не менее истинным, чем Православие.

Оставлять все как есть тоже нельзя – возникает саморазложение и самораскол. Хочешь – не хочешь, царь вынужден становиться светским государем и вставать над церковью. А ведь в Европе начинается расцвет наук и ремесел, что лично увидел молодой Петр, прибыв в протестантский Амстердам, столицу тогдашнего Запада, перехвативший этот статус у католических Венеции и Генуи.

России требовались выходы к морям – мир богател только за счет торговли, коммуникаций и транзакций. Очевидно, что протестантизм виделся Петру высшей гуманитарной практикой в сравнении с «архаичными» Православием и католичеством. Более того, настоящей религией для Петра становятся «наука и техника», которые выглядят идеологически и религиозно нейтральными и, тем самым, универсальными. А это значит, что успехи в науке и технике будут способствовать экспансии, будут помогать покорять и язычников, и православных, и католиков, и протестантов. Наука и техника есть передовая идеология, с ней можно идти в любую сторону. Это будущее Европы, в которое надлежит впрыгнуть раньше самой Европы, пока она, разрозненная, еще борется с собственными «пережитками прошлого».

Вот такая Россия досталась Петру I. И он, решая аналогичную «проблему Европы и Запада», уже ни минуты, в отличие от Ивана Грозного, не колебался. Он стал «грозным» не в конце жизни, а в начале, когда сам сек головы стрельцам, сам участвовал в пытках. При Петре погибло гораздо больше народа, чем при Иване IV. Он завершил начавшийся уже процесс полного перехода к светскому государству, упразднил патриаршество, закрыл часовни, повелел «мощей не являть и чудес не выдумывать», запретил жечь свечи вне церкви, писать иконы на дереве... Он брил бороды, заставлял носить европейское платье, менял календари и алфавиты. И это была принципиальная позиция, заключающаяся в ставке на мимесис, подражание.

Философ Лейбниц, «главный» в то время, высказал Петру сомнения относительно долговечности его преобразований, поскольку они поверхностны, не выросли из народного духа, из сущности, а привнесены извне и довольно быстро и радикально. Петр ответил философу так же, как Ленин позже отвечал Плеханову: «Вы говорите, что в России не развиты производительные силы, чтобы на их основе развивались соответствующие производственные отношения? Вы говорите, что социалистическая революция может быть только в развитых капиталистических странах? А я отвечаю, что мы сначала создадим соответствующую надстройку, и она потянет за собой базис!»

«Народный дух создается привычкой, – говорит Петр Лейбницу, – а не привычки вырастают из духа, поэтому мы поменяем привычки, и у нас появятся новый дух и новый народ». По сути здесь воспроизводится спор того же Лейбница с Локком, который утвер-

ждал, что сознание есть «чистая доска», на которой опыт пишет все, что угодно. Сам же Лейбниц ратовал за уникальность каждого духа, за разнообразие духов, и считал, что нужно развивать свое мировоззрение из себя самого. Петр не услышал этого. Нет никакой предзаданной сущности, в сознании народа есть только текущий исторический опыт и привычки.

Петр был первым «большевиком». Но чего он добивался? Простого превращения русского народа в типичный европейский? Нет, за этим ВНЕШНИМ подражанием Европе стоял совершенно другой проект!

Чтобы понять логику Петра, душу Петра, надо сделать небольшое отступление. Дело в том, что на изломе истории, в период перехода от феодализма к капитализму, стали враждовать две принципиальные парадигмы. Средневековые подчинялись закону рода и происхождения. Человек, родившийся, например, графом или князем, получал свое место в обществе благодаря своему благородству, он приходил «на все готовое». Человек капиталистический, чтобы добиться чего-то, должен был пройти определенный путь, стать селфмэйдменом, он должен был заплатить годами упорного труда за свой статус. Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью – настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился. Не будем сейчас спорить, насколько это верно, важно то, что Петр получил власть в борьбе с династическими группировками, а не естественным образом, и он, очевидно, был склонен придерживаться новой логики и новой парадигмы.

Кроме того, новая парадигма породила логику маргинализма. В чем она состоит? Человек, родившийся, грубо говоря, в столице, в центре некой культуры, подобен старому аристократу – он естественным образом получает все готовое. Человек, родившийся на окраине, находится в эксцентричном положении. Он чувствует, что принадлежит к некой культуре, но в то же время ее центр находится где-то во вне, и ему надо до него дойти, его «покорить», «завоевать столицу».

Этот феномен известен нам не только на примере корсиканца Наполеона, мы и сейчас свидетели того, что вся московская, например, элита – не «коренные москвичи», которые видят в москвичах сонных мух. Одним словом, гении рождаются в провинции, а умирают в столице. Именно потому, что гений сам прошел путь до центра, заплатил за него жизнью, а не получил на блюдечке с голубой каемочкой. Важно еще и вот что: живущий в провинции постоянно сталкивается с чужим, с иной культурой, он находится в экстремальной ситуации, когда вынужден постоянно балансировать на грани своего и чужого, упорно защищать свое. Тот, кто живет в центре, находится под защитой окраин и с чужим не имеет дела. Более того, он даже толком не умеет отделять свое от чужого, не имеет представления о чужом, часто путает свое и чужое и, главное, часто соблазняется чужим, как чем-то далеким, интересным, экзотичным. Поэтому для провинциала «столичные фрукты» не только сонные мухи, но и предатели, которые вместо защиты своего и его развития постоянно увлекаются чужим, предают свою провинцию.

Все экстремисты вырастают из провинциалов. Из современных примеров – Жириновский, родившийся в Средней Азии в семье «юриста» и ставший главным русским националистом.

Маргинальное происхождение обладает и еще одним преимуществом. Тот, кто находится на краю культуры или даже одной ногой стоит в одной культуре, а другой ногой в другой, имеет возможность посмотреть на свою культуру со стороны, имеет точку опоры во вне, позволяющую переворачивать свою культуру, модернизировать ее. Эта логика позже прекрасно будет интегрирована, например, в марксизм. «Посмотрите, – говорит Маркс, – пролетариат – это класс, вытолкнутый на обочину общества, но именно поэтому он может видеть целое этого общества со стороны и именно поэтому может из вне преобразовывать это общество».

Маргинальный класс является и самым передовым. Ленин продолжает Маркса: «В капиталистическом мире, – говорит он, – маргинальной является Россия, это “слабое звено”, именно поэтому она может видеть его стороны и перевернуть его, именно поэтому революция произойдет не в передовых странах, а в России...»

Безусловно, не все, живущие на границе, так жестко цепляются за свое. Много тех, кто в этой экстремальной ситуации наоборот, соскальзывает в другую сторону, присягает чужой культуре. Это бывает особенно часто, когда чуждая цивилизация демонстрирует какие-то успехи на фоне упадка своей.

Пограничье часто переходит в другую цивилизацию и становится окраиной чужой культуры, хотя недавно она была окраиной культуры своей. И там тоже возникают рьяные патриоты, но уже чужой культуры, потому что факт предательства требует внутреннего самооправдания, доказательств того, что тот, кого ты предал, был достоин этого, а тот, кому ты присягнул, требует действенного подтверждения предательства.

Таким пограничьем в те века (да и сейчас) была Украина. Украинская проблема стояла перед Петром в широчайшем масштабе.

Украина как государство тогда не существовала. Люди, которые жили там, называли себя русскими, а вся территория называлась Малой Русью. Малороссией. «Малый» не значит «маленький», а значит – «исконный», подобно тому, как в русских городах «Малый Кремль» (детинец) – это начальный исконный Кремль, от которого рос потом город.

Украиной (окариной) презрительно называли эту землю поляки и литовцы, да и то не в смысле самоназвания, а в прямом смысле «приграничья».

Слово «украинец» было фактически не распространено, и даже когда употреблялось, означало не национальную принадлежность, а географическую, как например, «поморец», «сибиряк», «уралец». Нацию из украинцев стали «делать» уже в XIX–XX веках на деньги австро-венгров и поляков, переписывая русских и русин как «украинцев».

В эпоху Смутного времени «украинцы», входившие в состав Речи Посполитой, выступали на стороне Польши и фактически на треть усиливали ее потенциал, борясь с русскими братьями по крови, религии, языку, культуре. Во время русско-польских войн XVII века «украинская элита» умудрилась трижды продать свою страну трем соседним государствам: то есть объявляла о своем вхождении в них.

В 1654 году Хмельницкий воссоединил Украину с Россией на Переяславской Раде. В 1658 году гетман И. Выговский заключил Гадячский договор о возвращении Малой Руси в польское подданство. Примечательно, что в тексте договора были такие слова: «Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем...». Гетман Дорошенко для борьбы с гетманом Брюховецким активно привлекавший татар, в 1669 году вообще от имени всех казаков присягнул турецкому султану, который объявил всю Малую Россию своей. По Андрусовскому перемирию 1667 года и Вечному миру 1686 года территория Малой России была разделена между Московским царством и Речью Посполитой, однако гетманские измены, влекшие за собой нарушение суверенных прав Москвы, переходы казаков на польскую сторону продолжались на протяжении всего XVII и начала XVIII веков. В свою очередь, московское правительство шло на уступки гетманам и казачьей аристократии, узурпировавшим власть и установившим крепостное закабаление малороссийских крестьян. Оно фактически устранилось от управления этими землями, разрешило оставлять в гетманской казне все доходы с городов и сел Малороссии. Многие российские государственные деятели высказывались за лишение Украины русского подданства, что, впрочем, не находило поддержки у глубоко религиозного царя Алексея Михайловича (1645–1676), не желавшего отдавать православный народ под власть католиков или мусульман.

Постоянное метание между разными государствами и цивилизациями, метание между трех огней, отразилось на характере украинской элиты: постоянные раздоры, недоверие себе и другим, предательство союзников.

Поговорка «где два хохла – там сразу три гетмана» родилась не вчера. Иван Мазепа, ставший гетманом в 1687 году, прошел большой жизненный путь: он бывал и при русском дворе, и при польском. Его логика – логика типичного маргинала. Он видел две цивилизации и разрывающееся между ними пограничье и должен был либо на всю жизнь присягнуть одной из них, либо, как прежние гетманы, постоянно сидеть на всех стульях, интриговать и предавать. Душой и воспитанием он был с поляками, но сами поляки считали его человеком второго сорта – Мазепа ведь был русским.

Его знакомство с Петром I стало настоящей находкой. Он увидел в увлеченном Европой Петре единомышленника и с радостью присягнул ему, целовал крест. Мазепа опирался на Петра и в борьбе с казачьими атаманами, поклонниками старины и Православия. Те по старинке «стучали» на него в Москву и обвиняли в русофобии, Петр с чистой душой сдавал их Мазепе, а тот расправлялся с противниками европеизации.

Сам Петр мыслил тоже в маргиналистической парадигме. Однако он был царь, и он не рассматривал Россию как иную цивилизацию в сравнении с Европой, как это делал Мазепа. Для Петра сама Россия (а не Украина) была своего рода границей Европы, и Петр, как классический «провинциал», решил «покорить столицу».

Мазепа и Петр подружились и видели друг в друге единомышленников на почве западничества. Но каким разным было это западничество!!! Мы уже почти 200 лет делим нашу интеллигенцию на западников и славянофилов, но не подозреваем, что есть два принципиально разных вида западников: одни одержимы комплексом неполноценности и готовы служить Западу, другие хотят рулить самим Западом как центром мира.

Оттого и разная судьба постигла Петра и Мазепу. Казалось, расчет Мазепы был точен, он нашел четвертую силу (вместо прежних Польши, России, Турции), а именно Швецию. Самую могущественную страну той эпохи. Передовую в техническом, военном и научном отношении.

Карл покорил половину Европы, и его армия превосходила российскую по всем параметрам: это доказало и поражение русских под Нарвой. Карл покорил Данию и Польшу, перед ним заискивали французы и англичане. Саксонский король, союзник Петра, тайно подписал с Карлом мирный договор. От того, на чью сторону встанет Мазепа, зависел дальнейший расклад сил. И Мазепа, по старой гетманской привычке, предал Петра, взяв жевто-блукитный шведский флаг (нынешний флаг Украины).

Это было катастрофой, нельзя описать все переживания Петра. Под Полтавой его могло спасти только чудо, но оно случилось. Мазепа бежал и кончил так же, как многие гетманы до него – стал символом позора и предательства. А Петр победил не кого-нибудь, а саму Европу в ее тогдашнем наивысшем проявлении (как позже мы победили высшее проявление Европы – Наполеона, высшее проявление и покорителя Европы – Гитлера).

Нельзя видеть в Петре просто жалкого подражателя и марионетку Запада, какого-нибудь саакашвили или ющенко тех времен. Уже то, что Петр не пошел за влиятельнейшим католичеством, а выбрал для подражания протестантские страны, говорит о многом.

Если для западников счастье – быть последними в Европе, то проект Петра состоял в том, чтобы стать в Европе ПЕРВЫМ.

О том, что его народ предназначен только для лидерства, Петр заявляет в разговоре с Лейбницем. Концепция «избранности» России осталась от отцов и дедов, но теперь она переформулирована так, что Россия, как партизан и шпион, сначала маскируется под Европу, перенимает у нее все лучшее, а потом внезапно становится тем, к чему давно стремилась, –

лидером. Россия должна была не просто победить Запад, а стать центром западного мира и центром Европы вообще!

Подобно тому, как Патриарх Никон в порыве реализации идеи «Россия – Израиль» все-речь создавал под Москвой Палестину (с Иорданом, Голгофой, Сионом, Вифлеемом, Новым Иерусалимом, Назаретом и проч.), Петр Великий хотел создать в России новую столицу, Санкт-Петербург, которая была бы большей Европой, чем сама Европа.

Ярчайший представитель «Святой Руси» св. князь Александр Невский сказал: «Кто с мечом к нам придет, от меча же и погибнет!». У Петра речь шла о том, чтобы победить Запад его же оружием: науками, духом, идеями, просвещением. Так, оказывается, наше «западничество» вытекает из нашего «славянофильства»!

Именно поэтому Петр начинает перекачку мозгов, встречается с главным философом того времени Лейбницем, делает ставку на флот как основу тогдашнего могущества.

Интересен и такой факт: мы употребляем слова «Европа» и «Азия», часто не задумываясь, откуда они взялись и на каком основании те или иные территории были отнесены туда или сюда и кто это сделал. А сделал это, то есть провел границу Европы по Уралу, картограф Страленберг по подсказке «птенца гнезда Петрова» В. Татищева! И теперь, согласно всем картам, Санкт-Петербург оказывается как раз самым центром, столицей Европы!

О духовном лидерстве в Европе, а «не токмо» о географическом, мечтает еще один «петровец» – Михайло Ломоносов, который говорит о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах», которые вот-вот появятся в России и сделают ее духовной и научной империей мира.

Иностранцев ко двору русских князей в большом количестве начал приглашать еще Иван III, но это все были узкие специалисты: архитекторы, живописцы, пушкарки. При Петре началась настоящая перекачка мозгов на все возможные должности для того, чтобы в следующем поколении научившиеся русские могли превзойти учителей, как сам Петр превзошел своего военного учителя короля Карла под Полтавой.

Но уже в этом крылся подвох. Одно дело – снимать сливки с западной культуры и науки, так, чтобы этот плодородный слой дал учеников, действительно превосходящих западный уровень, другое дело – приглашать ловцов счастья, денег и чинов, космополитов третьей свежести, которые могли дать таких же серых бездарных учеников и обеспечивали не превосходство над Западом, а наоборот – постоянное отставание от него.

К тому же, западные серость и чванство действительно стали душить самородные русские таланты, появившиеся в результате энергичного порыва нового проекта. На это справедливо жаловался уже Ломоносов.

Возникло как бы две России. Одна, народная, все еще была православной, традиционной, допетровской (пугачевщину, кстати, можно интерпретировать как попытку бунта против либеральной элиты и возвращению к старым порядкам, с настоящим царем). Другая, Россия дворянская, была европейской. Постепенно она даже полностью перешла на другой язык. Голландцев и немцев сменили англичане, а потом французы.

Тонкий слой элиты жил европейской жизнью. Дворцовые перевороты, балы, красавицы, лакеи, юнкера... Россия, к тому же, считает своим долгом участвовать во всех европейских делах, в том числе в политике. Россию использует как союзника то одна держава, то другая. Льется русская кровь, но ощутимых выгод России это не приносит. Наоборот, ее презирают те, кому удалось ее использовать, и боятся и ненавидят те, у кого это не получилось.

Но все победы России, военные победы, делались народом на основе прежней, православной, миссии. Народ воевал за спасение души, православного Бога, православного Царя и православное Отечество, а не за либеральную свободу или геополитические интересы. Все великие полководцы использовали Православие для поднятия духа войск. Ушаков уже канонизирован, Суворов обязательно будет канонизирован, как человек, живший православной

жизнью и прививавший в войсках Православие. Кутузов позже приказывал обносить иконой Божьей Матери войска перед любой битвой.

Величие и авторитет России опять держался на воинской славе, на штыке. Россию в Европе боялись, но ею не соблазняются. Она опять предстает страной чуть обузданных варваров. За европейским лоском найдешь азиата – говорят о России. Пока Екатерина гордится собой, что переписывается с самым модным философом Европы – Вольтером, сам Вольтер использует переписку в качестве пиар-акции для реализации часов фирмы, в которой он акционер.

Эта огромная проблема, проблема превосходства европейцев в деле просвещения, сознавалась Петром III.

Указ о дворянской вольности, об освобождении дворян от службы, должен был решить именно этот вопрос. Он вовсе не ставил задачу увеличить эксплуатацию крестьян, как пишут в либеральных и марксистских лубочных учебниках истории. Просто картина маслом какая-то: сидят Петр III и Екатерина Великая и думают, как бы им побольше закабалить крестьян и наплодить паразитов... На самом деле они понимали то, чего не понимает обыватель, чего не понимали элиты впоследствии и до сих пор не понимают в руководстве России.

Дворянство было освобождено от службы только для того, чтобы в обществе появился огромный слой людей, чьей каждодневной обязанностью будет производство духовных ценностей (искусства, философии, науки...). А это, в свою очередь, возникло из понимания, что духовное служение, служение науке, искусствам, просвещению дает государству больше, чем служение военное!!! С точки зрения стратегической безопасности и увеличения суверенности, лучше, чтобы в стране было больше философов, художников, поэтов, архитекторов, литераторов, религиозных деятелей и проч., чем военных, потому что все они обеспечивают духовное лидерство страны и ее духовный суверенитет, они делают страну любимой другими, а не страшной, как это делают военные.

100 лет – достаточный срок, чтобы подвести итоги и сказать, смогли ли мы догнать и перегнать Европу. И вот Петр Чаадаев в «Философических письмах» диагностирует: Россия, дескать, ничем себя не проявила, и уже, похоже, не проявит, она призвана явить миру урок бесполезности. Россия всего лишь окраина Европы, ее бездарная ученица. Проект Петра утонул в подражательстве и низкопоклонстве перед Европой. У нас, может быть, и лучшие в мире балерины, но не мы создали балет, у нас, возможно, и отличные художники, но не мы создали живопись. Да что там виды искусств, мы не создали даже стилей! У нас могли быть шедевры романтизма и классицизма, но не мы создали романтизм или классицизм как стили. Россия не породила ни одного философа уровня Платона и ни одного ученого уровня Ньютона, вопреки пророчествам Ломоносова. Наверное, это и невозможно было вообще. Грубо говоря: ты можешь проигрывать или выигрывать в футбол, но в обоих случаях ты играешь в футбол, а не в лапту, и это льет воду на мельницу Англии, «раскручивает» Англию, которая футбол породила. И так во всем.

Безумнейшее и головокружительное упоение Европой дало только первенство в светской жизни – таких роскошных балов и салонов, как в Петербурге, не было нигде! Оказывается, обеспечение «материального базиса», материальной независимости, наличие свободного времени, освобождение от нужды не только недостаточное условие для духовного творчества, но и вовсе не необходимое. А, возможно, даже и вредное. Выращенный на всем готовом, воспитанный французским гувернером барчук, как дрессированная обезьяна, мог только имитировать и симулировать некий привнесенный усредненный образец «культурного европейца». Набор необходимых качеств был незатейлив: чтобы пройти тест на культурность и европейскость надо было... «по-французски изъясняться совершенно и писать, легко мазурку танцевать и кланяться непринужденно... чего ж вам больше?» (Пушкин). Зато

сколько пафоса, чванства, высокомерия по отношению к холопу, не овладевшему культурной нормой, сколько презрения к «Ваньке»!

Уже поход Наполеона привел нашу проевропейскую элиту в смятение: она не могла понять, как Европа может вообще напасть на Россию? Ведь мы по сути такие же как они, состоим в одних и тех же масонских обществах, посещаем одни и те же салоны, танцуем одни и те же мазурки... После победы над объединенной Европой (а у Наполеона служили все), он стал воплощением всего Запада, а мы его победили. Никто не задался вопросом: как это вообще было возможно? Каким духом?

Парадоксально, но слова Чаадаева о России как самой бездарной и никчемной стране были написаны после победы над Наполеоном, который был воплощением Европы, гением европейского духа, человеком, которому Европа покорила и служила как в духовном, так и военном смысле. Поэтому когда Чаадаев отправил свои письма на рецензию Пушкину, тот их просто потерял...

Существует довольно смешная переписка, в которой Чаадаев просит Пушкина вернуть рукописи, а тот игнорирует просьбы. Впрочем, потом Пушкин все же отозвался в том духе, что не знает ни одной страны с более интересной историей, чем российская, и ни в коей мере не желал бы переменить Отечество.

Пушкина привыкли рассматривать как веселого поэта, а саму поэзию родом развлечения. Но на самом деле не бывает великих поэтов, которые при этом не были бы великими мыслителями.

Пушкин не считал, что проект Петра не удался. Напротив, и он, и его молодые друзья, и те же декабристы есть те самые плоды дворянской вольности, то самое поколение творцов, которое не просто учится у европейцев, но и превосходит их. В наших школьных учебниках вот уже полтора столетия пишут форменную клевету на поколение Пушкина вообще и на декабристов в частности. Их представляют какими-то западниками и чуть ли не социалистами. На самом деле движение декабристов было реакцией на бездумную либеральную и прозападную масонскую политику Александра I. Другое дело, что сама форма их выступления была якобинской... Но когда Николай I прочел стихи Кондратия Рылеева, он высказал сожаление, что казнил истинного патриота и большого поэта.

Пушкин был из этого же поколения. Он отнюдь не западник, но и не представитель славянофильства, которое появилось как альтернатива западничеству. Славянофилы, отвергая западническую миссию России, не создавали никакой новой, не изобретали, а просто брали ее из допетровских времен: «Россия, Святая Русь – страна истинного Православия, носительница настоящей веры, в этом были уверены наши далекие предки, и неудачные эксперименты по заигрыванию с Европой, начавшиеся с Петра, это еще раз подтвердили».

С западниками тоже все понятно, хотя, к чести многих из них, можно отметить, что их творчество было своего рода выдающимся вкладом в европейскую культуру. Будем честными: вся «русская культура», которой мы привыкли гордиться, которая признана как мировая культура, это XIX век, это эффект (со столетним запозданием) того освобождения дворянства, эффект петровского проекта.

Пушкин же придерживался некой третьей линии. Во-первых, он не считал прежнюю российскую историю бессмысленной, как западники. Но он и не считал возможным вернуться в допетровские времена, потому что с его точки зрения петровский, европейский, проект оказался неудачным. По Пушкину, петровский проект оказался выполненным и перевыполненным: Петр хотел, чтобы Россия стала первой в Европе – она ею стала. Ведь Европа сама не представляла из себя уже ничего больше, чем балы, салоны, развлечения и тот же милитаризм, получивший законченное выражение у Фридриха Прусского и Наполеона. Что касается лозунгов «свобода, равенство и братство», столь пленительных когда-то, весь мир имел возможность увидеть, чем это все закончилось. Вершина всей европейской культуры –

немецкая классическая философия, которая, в свою очередь, достигла кульминации в Гегеле, его устами же заявила, что Наполеон это воплощение абсолютного духа на Земле, и дальнейшая история человечества вообще закончена.

Но Россия-то победила Наполеона! Россия победила высшее порождение Европы! Победила саму Европу в ее высшем проявлении! Победила того, кого вся Европа считала гением и кому поклонилась! Что это должно означать? Это означает, что мы не должны следовать за европейским духом не потому, что мы «другие», или не потому, что этот европейский дух такой великий и нам за ним не угнаться, а потому что мы попросту... превзошли его.

Проект Петра закончен не в связи с неудачей, а в связи с его исчерпанностью. Мы превзошли Европу не потому, что стали просвещеннее или свободнее ее, просто она сама себя исчерпала, не дождавшись, пока Россия ее превзойдет. Уже ранний Пушкин в поэме «Граф Нулин» высмеял Европу.

По сюжету этот «европеец» Нулин (говорящая фамилия) останавливается проездом в доме у русской дворянки. Он снисходительно рассказывает о парижских модах и даже льстит хозяйке, что она де не очень отстала от Парижа. Ночью граф вообразил, что он настолько покори провинциалку, что в праве рассчитывать на что-то большее, но был с позором изгнан из чужой спальни.

В то же время Пушкин показывает в образе хозяйки не просто жену, верную «традиционному и патриархальному мужу»: она изменяет, но с неким молодым Лидиным, образ которого совершенно не ясен. Но это очевидно не «западник» Нулин и не «славянофил» муж. В образе хозяйки читается сама Россия, которая соблазняет Европу кажущейся доступностью и якобы устремленностью к ней. На самом деле она идет за другим, причем не за своим старым, а за чем-то молодым, новым, неведомым, смеющимся...

Стремиться за Европой, по Пушкину, теперь бессмысленно просто потому, что Европа уже кончилась, осталась в прошлом. Она умирает, катится в бездну. Зачем же бежать за ней или впереди нее?...

Россия как бы осталась одна в чистом поле, без поводыря и идеала впереди, с невозможностью вернуться назад. Ей нужно было породить свою миссию из себя самой, без оглядки на свое прошлое, без оглядки по сторонам. Ей нужно было решиться стать самостоятельной, взрослой. Сделать шаг, который бы выделил ее из всех и благодаря которому уже другие пошли бы за ней как за лидером.

Геополитические предпосылки были налицо. В это время и так в мире без согласия России «ни одна пушка не стреляла». Оставалось решить только духовно-творческую задачу.

Победа над Наполеоном не военное событие и даже не геополитическое. Это культурно-историческое событие, победа более высокого духа над более низким. Могут возразить, что Пушкин писал о чем угодно, но не о Наполеоне и победе над французами, и дескать, для его творчества эта тема маргинальна... Нет. Именно эта победа создала Пушкина. Известно, например, что у Александра Сергеевича был брат Лев, который, по общему признанию, считался гораздо одареннее. Но дар брата не реализовался, потому что на его молодость не выпало великого исторического события, которое бы пронизывало и увлекало, делая неразделимыми собственную судьбу поэта и историческую судьбу России.

Пушкин понимал, что победа была одержана благодаря народу и вопреки элите. Величие Пушкина в том и состоит, что он, воспитанный в деревне простыми русскими людьми, понял, что там, в народе, источник роста и силы государства, его потенции, духовной мощи, а «в свете» – только мертвая форма. Он «лиру посвятил народу своему». И за это был убит светом. Именно убит, причем сознательно.

Интрига против Пушкина – не банальная ревность, а геополитический конфликт, если угодно, схватка в информационной войне, которую затеяли связанные с европейскими дворами противники России (Нессельроде и К^о).

В начале XIX века в Европе стало утверждаться мнение, что народный дух является источником позднейших успехов элиты. В конце XVIII века ученая Европа перешла с латыни на языки народные. Этому требованию всецело придерживались романтики. Поэтому русофобы уже делали четкую ставку на недопущение свободного развития творческих сил в России. Страна должна была оставаться вечной ученицей Европы. Никаких собственных гениев в ней появляться не должно.

Убийство Пушкина в расцвете лет было сознательной акцией, последствия которой несоизмеримо более тяжкие, чем военное поражение в каком-нибудь региональном конфликте. Пушкин не написал главных своих произведений, а если бы это случилось, то он был бы отнюдь не главным российским поэтом, как сейчас, он мог бы стать и «Платоном и Ньютоном» в одном лице, поэтом, чье всемирное историческое значение превзошло бы значение и Гомера, и Шекспира. Пушкин прошел либеральную и романтическую стадии творчества, как раз перед самым убийством он стал зрелым консерватором, чрезвычайно сблизился с «реакционным» царем Николаем I и претендовал на роль его главного советника.

Поскольку Пушкин, по словам Аполлона Григорьева, это «наше все», то получилось, что «наше все» прервалось на самом интересном месте, оно застряло в вечной молодости, чуть дойдя до зрелости. Поскольку Пушкин это наша культурная матрица, то все, что штамповалось потом с этой матрицы, так же оказалось недоросшим, недоделанным, прерванным на полуслове вечно молодым и вечно пьяным. Эта матрица начала штамповать либералов и социалистов в таком количестве, что уже через полвека они переполнили Россию и убили царя, а дальше взяли курс на революцию.

Можно смело утверждать: если бы не Дантес и стоявшие за ним, то в России не было бы 1917 года. Наоборот, если бы Пушкин написал свои зрелые и старческие произведения, Россия бы впервые стала задавать тон в Европе, возглавила бы интеллектуальную моду на консерватизм, который тогда был в зачатке. Это поставило бы суверенитет России не на военную, а на духовную основу! Более того, Пушкин мог выдать что-то более интересное, чем консерватизм.

Последняя поэма Пушкина «Медный всадник», посвященная делам Петра Великого, поэма, не напечатанная при жизни Александра Сергеевича, поэма – своего рода продолжение «Евгения Онегина» – заглядывает в такие дали, что до сих пор вызывает диаметрально противоположные и в целом довольно беспомощные и бестолковые интерпретации. Эта поэма – бездна, из которой становится понятным безумие величайших интеллектуалов Европы – Гельдерлина, Ницше, Ван Гога, Стриндберга и др.

«Медного всадника» Пушкин написал в пику не по заслугам прославленному и пошлему «либералу» А. Мицкевичу, с которым как с писаной торбой носилась вся прогрессивная Европа того времени. Для многих в России вообще было непонятно, как это можно посмечь что-то там лепетать русскому против европейских знаменитостей! Мы можем только благоговейно вздыхать, восхищаться и учиться... Пушкин же четко знал, что Европа нас ничему не может больше научить.

Убийство Пушкина европейским ловеласом и проходимцем символично и потрясающе по глубине выводов, которые можно сделать. Ведь в этом просвечивает форма, с помощью которой Запад убивает Россию. Об это говорит грядущий конфликт между экзистенциальной самостью и Das Man, о чем только через век напишет Хайдеггер. Сам факт возможности гибели великого поэта по нелепой случайности намекает на то, что Бог не печется о поэтах, что возможно, он ушел или даже умер (Ницше). Достоевский в своей «пушкинской речи» назовет Пушкина «всечеловеком» и будет применять диалогический полифонический метод

для создания своих произведений. Это потом хорошо покажет М. Бахтин. Но Бахтин считается праотцом постмодернизма. Следовательно, Пушкин был своего рода первым постмодернистом, если постмодернизм понимать как антиэдиповскую позицию (манифест постмодернизма, написанный Ж. Делезом, так и назывался: «Анти-Эдип»), позицию, отрицающую борьбу с прошлым.

Пушкин видел свои корни как в русской культуре, так и в греческой и в итальянской. Он не шел за Западом, как западники, и не противопоставлял Западу русское, как славянофилы. Это «всеединство» будет позже поднимать на щит русский философ Соловьев, и это даст импульс к рождению русской философии конца XIX века, которая оказалась в целом довольно конкурентоспособной уже в XX столетии.

Редактор «Литературного прибавления... А. А. Краевский опубликовал некролог о смерти Пушкина: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!...» Царский чиновник, даром что министр просвещения и президент Академии наук, С. С. Уваров потом выговаривал: «Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? “Солнце поэзии”! Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался в середине своего великого поприща”! Какое это поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стихи не значит еще проходить великое поприще!...»

Это рок российской власти: не понимать, что поэзия скрепляет народ и завоевывает бескровно любовь народов других стран больше, чем все полководцы вместе взятые!

Эстафету Пушкина позже подхватят Гоголь, Достоевский, Леонтьев... Но поздно. Умирающая Европа, в прежнем модернистском духе, стала бредить коммунизмом и Марксом, которые провозглашали новую эру человечества и новый обновленный европейский дух. И у нашей интеллигенции не хватило ума увидеть в марксизме не нечто новое, а просто сам фермент разложения и упадка. Наоборот, в марксизм поверили как в новую религию и опять, совершенно по-петровски, решили стать в Европе ПЕРВЫМИ. Мы решили стать больше коммунистами, чем сами коммунисты, больше марксистами, чем сами марксисты (о чем с иронией писал и сам Маркс). Недаром выше подчеркивалось родство Петра с большевиками: потому что большевики действовали по матрице Петра.

Ничего, что марксизм не вырос из народного духа! Ничего, что Россия не является еще промышленной капиталистической страной! Мы форсированно симулируем капитализм, создадим новый класс, новые привычки, а они создадут и нравы. Мы обгоним Европу на повороте! Она только готовится к революциям, а мы их уже сделаем, мы станем авангардом, лидером, мы всех поведем за собой!

Поразительно, но в чистейшем западнике Ленине горит этот славянофильский огонь! Вся реформа марксизма, которую он произвел, сводится только к доказательству того, что социалистическая революция должна случиться не в передовых странах, а в «слабом звене» – в России, и именно тут после революции будет шанс построить по-настоящему передовое государство мира. Мы видим ту же логику маргинализма, о которой сказано выше.

Но поскольку модернистский марксизм есть фермент упадка (это ясно видел еще Ницше), то благодаря реализации марксистских идей в эпоху революции и гражданской войны, мы и пали ниже всех. Мы пали раньше Европы, мы обогнали Европу на пути в пропасть.

Из этого следует очень важный вывод: то, что случилось с нами в конце XX века, – это то, что еще случится с Европой в будущем!

Более того, уже при Сталине начался серьезный отказ от модернистской логики на основе «возврата к прошлому» и использования его ресурсов. В сталинском проекте комму-

нистического общества просматривается монашеский, монастырский, православный жизненный уклад. Собственно ему-то мы и обязаны своими победами.

Прорыв в космос также был осуществлен на почве идей русского космизма. Гагарин наследовал Королеву, тот – Циолковскому, а тот был поклонником русского философа Н. Федорова, уважаемого Ф. Достоевским. Но эта линия задохнулась после Хрущева, когда мы окончательно перешли на западные рельсы, когда присягнули «обществу потребления» и когда западная мысль только дошла до постмодернизма.

С нашей стороны глупо сейчас подражать Европе, поскольку она-то как раз двигалась и двигается по пути Советского Союза, только медленнее. Всем известно, что в Европе последние 30 лет «социализм и застой», и всем известно, что Россия за 1990-е годы, после форсированной индустриализации начала века, прошла столь же форсированную постиндустриализацию.

Некоторые политики пытаются заставить Россию вновь индустриализироваться и модернизироваться. Подражать себе прежней или Европе прежней. Но нельзя дважды войти в одну и ту же реку, надо создавать что-то совершенно оригинальное. Причем, за нас это никто не сделает. Европа нам не помощник, она доживает свой социалистический век, свой застой, ей еще предстоят наш упадок и наш «беспредел девяностых». У европейцев масса своих проблем, а мы находимся в авангарде истории и должны сами думать, что делать дальше. Проект «Петр Великий – перезагрузка» сейчас для нас невозможен потому, что нам нечему подражать в Европе, чему мы еще не подражали, у нее нет новой миссии, нет даже упаднической миссии на манер марксизма.

Поскольку у нас самый большой опыт постиндустриализации, вплоть до полного разрушения индустрии, то никто, кроме нас, не заглянул дальше – за границы постмодернизма. А раз так, то нам и предстоит придумать новый «изм», тот, что придет после постмодернизма, тот, что станет будущей европейской и мировой модой. Можно, конечно, остановиться и ждать, пока Европа придет к концу и сама придумает «новое начало», новую миссию, а потом опять подражать ей... Но на этом пути ожидания можно и не дожидаться...

Вопрос о будущей миссии – отдельный. Сейчас Россия находится, конечно, не в положении Петра Великого, а в положении, когда его проект был исчерпан. Если уже для Пушкина была очевидна смерть Европы (на 50 лет раньше Ницше и почти на 100 лет раньше Шпенглера), то сейчас, чтобы учуять ее трупный запах, не надо быть гением. Европа прошла «точку невозврата», ее уже ничто не спасет от реконкисты, она лишена воли к сопротивлению, ее культура не превосходит соседние, а наоборот, является самой отсталой. Европа консервирует «демократическую риторику и либеральные ценности» 200-летней давности, настаивает на том, что уже давно не работают ни практика ни теория. Европа утратила духовное лидерство, ее презирают, ей никто не хочет подражать, никто не хочет в нее вливаться, ассимилироваться.

Сейчас надо быть конченым некрофилом, чтобы делать «европейский выбор» по примеру Грузии и Украины. Это имело для них смысл 300 лет назад, во времена Мазепы, но сейчас это просто смешно. Все с ярмарки, а они на ярмарку. До провинции, до окраины (украины) все доходит поздно. Провинциалам подсунили «европейскую демократию» – товар третьего сорта и третьей свежести, и они заплатили за него самую дорогую цену.

Россия, слава Богу, такой выбор не сделала, но, к сожалению, и позитивного проекта исторической миссии наша духовная элита публике еще не представила.

Страна господ

В течение тысячелетий философы, политические мыслители задавались вопросом: кто достоин управлять, кто достоин иметь власть? Давались разные ответы. Ну, например, достоин тот, кто самый знатный, чей род состоял из лучших людей. Да, это, конечно, страховка, что и дальше будут лучшие получаться, но управляет-то конкретный человек, а не умерший уже род, тогда как единичный представитель рода может быть и дегенератом.

Или другой ответ: управлять должен богатый. Ведь на него и так все работают. Но оказывалось, что богач – заложник своего богатства, он склонен откупаться в случае нападения завоевателей, и в споре между золотом и мечом выигрывал меч.

Тогда, может быть, управлять должен самый сильный, тот, который с мечом? Да, но... оказывалось, мягко говоря, что в здоровом теле не всегда самый здоровый дух, то есть разум, а управление без разума, тем более при избытке силы, – это тирания. Тогда, возможно, самый мудрый? Но у него может не хватить воли и твердости в случае чего. Да даже если они есть, советы и действия мудреца трудно объяснить массам, им все время кажется, что происходит что-то непостижимое для их ума, ведь мудрец видит на 10 шагов вперед, а они на один. А раз что-то непонятно, то такое управление тоже своего рода деспотизм.

Тогда, может, править должен тот, кто умеет нравиться толпе, в состоянии объяснять свои действия, слышать, что хочет народ, и выражать его интересы? Да, но мнение народа переменчиво, и очень часто народ хочет то, что ему же вредно. Народ, как маленький ребенок, может хотеть потрогать огонь, не подозревая, что обожжется. Иногда для пользы народа надо идти против него: как врач, делая операцию, причиняет пациенту больно, но для его же здоровья.

Дискуссии нет конца. Различные философы выдвигали различные теории власти и идеалы, пока, наконец, великий Г. В. Ф. Гегель не сказал, что философия не должна довольствоваться творением пустых идеалов и мечтаний. Если философы изучают сущность всего сущего, то уж наверняка эта сущность не настолько бессильна, чтобы просто витать где-то в воздухе и никак не воплощаться в действительность. Идея не есть простое благое пожелание или требование «как должно всему быть», идея есть сущность, а сущность себя являет! Следовательно, если мы хотим, например, найти сущность власти, то мы не должны городить химерические идеальные общества, утопии, теории, в которых все счастливы, а потом сравнивать действительность с этими утопиями и брюзжать, что такая-сякая действительность теориям, видите ли, не соответствует. Если мы хотим найти сущность власти, мы должны посмотреть: а кто и как действительно господствует и получает власть? Кто это делает и почему? Что оказывается решающим, какое качество помогает? Найдя это, мы найдем и сущность господства. Кто имеет это искомое качество, тот и должен быть господином.

И вот представим себе, говорит Гегель, двух свободных людей, чьи интересы пересекались по поводу завладения какой-то вещью, или они по какому-либо вопросу имеют разное мнение. Кто настоит на своем, а кто уступит? Самый богатый, самый умный, самый сильный, самый знатный? Нет, тот, кто готов идти до конца, кто готов отдать жизнь, тот, кто за свое убеждение или амбицию готов пойти на смерть, тот, кто ценит свою волю выше жизни, тот, кто может даже и умереть, но умрет свободным, то есть самостным, желающим, чтобы верх взяла его воля.

В конце концов, что такое свобода, если не демонстрация независимости духа от тела и возможность при необходимости этим телом пожертвовать? Так кто же властвует и достоин властвовать? Ответ таков: самый brutальный, тот, кто готов рисковать, кто готов играть на самую большую ставку в игре, кто играет со смертью. Он, играющий со смертью, неуязвим,

потому что его невозможно напугать. Считается, что нет ничего страшнее смерти, но ее-то он и не боится.

Кто становится рабом? Тот, кто говорит «я – пас», тот, кто не готов поднять ставку до уровня игры на жизнь, кто считает, что жизнь дороже, чем та или иная вещь, за которую идет спор, или то или иное убеждение. Проигрывает тот, кто в конце концов считает, что жизнь дороже воли, самости, той или иной собственной амбиции. Кто считает, что лучше уступить, не стоит убеждение или вещь того, чтобы за нее так рисковать. Тот, кто не готов заплатить жизнью за свободу, тот ее и не достоин, а значит, он пользуется свободой ровно до первого господина и в тех границах, которые господин ему отведет. Или уж пусть сам становится господином, или гибнет.

В своей первой серьезной работе «Феноменологии духа» (и конечно, в других работах) Гегель специально посвящает целый раздел диалектике взаимоотношений господина и раба, ибо все, что описано выше, это только слишком абстрактный взгляд на проблему. Давайте и мы проследим все хитросплетения отношений во всех подробностях.

Итак, некий свободный встречается с другим свободным. Уже это удвоение отрицает мою свободу, потому что на самом деле если хочешь уничтожить вещь – удвой ее, утрой, умножь, и она потеряется, перестанет быть уникальной, личностной, оригинальной. Поэтому тот, кто противостоит мне, должен признать мою свободу, я хочу быть признанным в качестве свободного. Но вот в чем шутка: точно такие же «чувства» испытывает и противоположный мне свободный. Чтобы доказать свою свободу, каждый хочет снять свободу другого. Это способ и убрать соперника, и проверить на прочность себя, удостовериться в себе, доказать, что свобода не призрак, раз она может разделаться с иной свободой. Вот вам и поединок. Двигаемся дальше.

Ну, вот ты решил рискнуть жизнью, пошел на смерть за свою свободу и ты... убит. Поэтому твоя свобода кончилась, не успев начаться. Рабом ты не стал, но и свободным тоже, ибо трудно назвать свободным коченеющий труп. Это открывает нам, что само по себе бестолковое и бесшабашное поведение, связанное с риском для жизни, не есть еще проявление свободы. Эдак можно всех самоубийц записывать в герои. Но герой и самоубийца, очевидно, разные люди. Даже полностью противоположные, ибо самоубийство часто как раз трусость. Герой идет на риск там, где есть шанс на выживание и победу, самоубийца, наоборот, не оставляет выживанию шанса, отдается на волю случая, судьбы, снимает с себя ответственность, бежит от невыносимости тяжелой ситуации. «В этой жизни помереть нетрудно, сделать жизнь значительно трудней», – как сказал поэт... Как от великого до смешного один шаг, так и от трусости до мужества расстояние не больше. Они могут быть очень похожи внешне, но бесконечно далеки по сути. Но идем дальше.

Теперь рассмотрим вариант, когда ты рискуешь жизнью за свободу, так же рискует другой, но на этот раз везет тебе, и ты убиваешь соперника. С чем же ты остаешься? Ты ничего не доказал, потому что твой визави умер свободно, как герой, и получается, что ты убил героя. К тому же твоя свобода осталась не подтверждена и не признана. Ее некому признавать. То есть все вернулось к тому, с чего начиналось, только на новом этапе. Поэтому поединок, который заканчивается убийством, – не цель. Важно понять, насколько две суверенные воли готовы постоять за себя и пойти до конца.

Коли такое удалось продемонстрировать, убийство и не нужно. Наоборот, возникает момент взаимного признания. Стороны с уважением расходятся, и каждый остается при своей территории. Они могут заключать договора чести, дарить друг другу подарки, идти на демонстративные уступки, показывая уважение а заодно и власть над вещами, давая понять, что не в той или иной амбиции было дело, а в самом принципе. Вежливым считается отвечать на уступку уступкой и на подарок подарком. Так не возникает зависимости. Тот, кто не может отдариться, должен идти и воевать, чтобы забрать себе то, что принадлежало уби-

тым. Поэтому поединки смертельные, хоть они и не самоцель, будут возникать, пока есть на Земле суверены духа.

Совсем иное дело, когда из двух вступивших в поединок кто-то, в конце концов, покорится, то есть демонстрирует, что может идти только до определенного предела, не готов за себя постоять. Один идет на смерть до конца, до упора, другой испытывает страх смерти, говорит себе, что он не самоубийца, что смертью лично себе свободу не купишь и... сдается. На милость победителя. Итак, возникли господин и раб. Отныне раб не имеет собственных цели и ценностей, он всецело принадлежит воле господина.

Но на что можно употребить раба? Воевать вместо себя не пошлешь, ведь он потому и стал рабом, что дорожил жизнью, трусил. Следовательно, первый же попавшийся господин просто заберет его себе, а раб с радостью сбежит. Нет, воевать и рисковать жизнью дальше остается делом господина. Раб же занимается обеспечением жизнедеятельности господина. Он холит лошадей, носит и делает оружие, растит хлеб и доит коз, трудится, обрабатывает сырой материал природы. Весь продукт его труда полностью принадлежит господину. Господин сам решает, сколько оставить рабу, это его право. Как правило, остается столько, сколько нужно для воспроизводства жизни раба и поддержания его здоровья. Остальное потребляется господином.

Дело господина – война, риск жизнью, защита уже имеющихся рабов от других господ, покровительство рабам, суд над ними, разбор их проблем, а также завоевание новых рабов. В промежутках между всем этим – потребление произведенного продукта труда рабов. Поэтому только господам, а не рабам, разрешается носить оружие, только господам, а не рабам, разрешается служить (до какой степени падения надо дойти, чтобы от права воевать, которое принадлежит только господам, люди отказываются – «косят» от армии!).

Раб, как мы видели, создается страхом. Но страх содрогает личность и приводит в движение дух, а движение духа – начало мудрости. Тот, кто заглянул в Ничто, способен сопоставить Ничто и Сущее, положить их на разные чаши весов, а значит, задать вопрос: «Почему вообще есть Сущее, а не Ничто, ведь могло бы ничего не быть, ведь Ничто легче и проще?». Тот, кто задал этот вопрос о «почему», об основании сущего, получает выход к сущему-в-целом, объемлет его. Отвечая на этот вопрос, он получает мировоззрение. Причем мировоззрение, непоколебимое никакими событиями внутри сущего, ведь вопрос о сущем-в-целом так глубок, что охватывает и будущее, и бывшее, и величайшее, и мельчайшее. Мировоззрения могут быть различны, но все они универсальны, применимы ко всему, объясняют все.

Далее, раб трудится, то есть формирует материю природы. Каждая природная вещь имеет две стороны: с одной стороны, она нечто самостоятельное, с другой стороны, дух может, приложив усилия, сделать ее тем, чем хочет. Раб сталкивается с самостоятельностью вещи, перерабатывает ее, а господин сталкивается уже с несамостоятельной стороной вещи, он преимущественно потребляет. Переработка вещи отсрочивает потребление, раб научается терпеть отсрочку между желанием и удовлетворением. Кроме того, постоянно подчиняя себя воле господина, он научается господствовать над своими вожеланиями и желаниями, он копирует господина, интериоризует его. Постепенно раб сам становится господином, пока еще только господином себя.

Наоборот, господин, который все меньше воюет и все больше потребляет, избаловывается. Он капризен, получает всегда все готовое, не терпит отсрочек в удовольствиях. Он не снимает форму вещи, обрабатывая ее в труде и, следовательно, не умеет ничего делать, так как умение и есть владение техниками, то есть снятыми формами. Он становится всецело зависимым от раба. Более того, само его господство держится, по большому счету, только на том, что у него есть рабы. Он называется господином только в противоположность рабам. Убери противоположность, вместе с ней уберется и другая, если убрать ночь, не будет и дня. То есть господство, основанное на рабстве, не самостоятельно, оно не самодостаточно. Гос-

подство не независимо, а наоборот, зависимо. Оно само есть рабство. Мы видим, как господин и раб поменялись местами. Раб, обрабатывая вещи природы, научается господствовать, господин, деградируя, все больше зависит от раба, попадает в рабство к рабу.

Раб почувствовавший себя господином, видит господина только с той стороны, которой тот к нему повернут, со стороны потребления, он представляется всего лишь паразитом. О военной стороне дела, о риске жизнью, об охране жизни раба речи не идет, это «само собой разумеющаяся услуга». Поэтому раб все больше презирает господина и стремится избавиться от его господства. Но он пока не умеет держать оружия, он труслив. Поэтому сила в количестве. Рабы побеждают, потому что их больше.

Восстания, как правило, случаются в минуту слабости и неготовности господина. Бунты и заговоры никогда не бывают честным вызовом на поединок, они всегда предательские, всегда подлые, всегда исподтишка.

Вообще путь к свободе всегда путь неблагодарности, ведь господин есть тот, кто дает. В частности, он дал рабу самое большое, что раб ценит – жизнь, но раб платит восстанием. Чего иного можно ждать от раба? У него нет чести и славы, он не приобретал ее в поединках и не защищал ее, он не знает что это.

Возможен другой вариант освобождения: господин умирает сам внезапно от чрезмерного потребления, либо поверженный другим господином. Тогда этот другой воспринимается как освободитель. Наконец, третий вариант освобождения: господин может сам освободить раба. В любом случае для раба все кончается свободой.

Для господина тоже все кончается свободой. Господин, в конце концов, осознает, что его признание господином со стороны раба не есть истинное признание, в этом признании нет никакой чести. Настоящее признание господин может обрести, если его признает другой господин. Тот, кто не признан другим господином, сам еще не вполне господин. Более того, только тот, кто не имеет рабов и не зависит от них, может быть признан настоящим господином. Настоящий господин самодостаточен и не зависит от обслуживающего класса. Таким образом, настоящий господин есть господин, признанный другим господином, и оба они, будучи самодостаточными, уже не имеют рабов. Это один из главных факторов, толкающий господ к освобождению рабов.

Раб, который видел господина только с потребляющей и господствующей стороны, не имеющий опыта господства, становясь свободным либо в результате освобождения своим господином, либо чужим, либо в результате бунта, первым делом пытается воспроизводить внешнюю неистинную сторону господства, а именно: сам пытается вести себя как господин, как это он себе представляет. Он, прежде всего, пытается завести себе рабов (сладко, если это будет прежний господин), заставить других трудиться, и начинает потреблять. Это может затянуться достаточно надолго, пока не потребуются нового освобождения и понимания всеми сторонами, что настоящее господство есть взаимная признанность господами, а не рабами, что настоящее господство – это самодостаточность и самообеспеченность, самостоятельность и независимость от рабов.

Что написано в пунктах с 1 по 5, есть, по Гегелю, принадлежность к дикому «естественному состоянию». Что написано в пунктах с 5 по 10, мы привыкли называть «феодализмом». То, к чему мы приходим в самом конце, а именно: взаимной признанности всех господ господами, без всякого рабства, это новая история и «современное государство».

В «современном государстве» изначально человек признан в качестве свободной личности, он имеет права, в его отношении действуют законы и проч. Если восточная деспотия знала свободу Одного Господина, а все остальные были рабами, если античный и средневековый мир знал свободу Некоторых Господ, и его государства все же держались на рабстве, то новый мир и новые государства – это государства, где каждый гражданин есть господин, где каждый есть князь, где все господа. Это государства, состоящие из одних только «монар-

хов», которые тем более свободны, чем более самодостаточны, поскольку у них нет рабов. Но всем воздаются «королевские почести»: то есть все друг с другом вежливы, все принимают участие в управлении государством и его жизни, включены в него через профессии, сословия и проч. Ежели кто ведет себя еще как в диком состоянии, то есть не видит в других гражданах свободных людей (например, преступники), то и в нем отказываются видеть свободного и либо приводят его существование в согласие с его сущностью (лишают свободы), либо уничтожают. Он рискует жизнью, хочет умереть за свою незрелую неистинную свободу? Пожалуйста, вот ему эта возможность! Поэтому Гегель признает смертную казнь.

Есть еще одна проблема: нельзя сразу оказаться в ситуации свободы и господства. Свобода не дается от природы, она завоевывается. Поэтому весь описанный путь был необходим. Было важно, говорит Гегель, чтобы Афины, например, получили сначала законы от Солона, а потом тиран Писистрат принуждал их исполнить. Тот, кто не научился повиноваться – не умеет властвовать. Этап рабства обязателен. Только через подчинение и рабство, через труд и образование, через страх и творение мировоззрения человек идет к истинной свободе.

Но как же быть в современных обществах, где правовые государства уже созданы? Мы не можем с каждым поколением разрушать их и воссоздавать заново, чтобы новые граждане набрались истинно «господских» добродетелей. Для воспитания свободным гражданином, по Гегелю, человек в онтогенезе должен повторять филогенез, в воспитании должна быть пройдена история рода, человечества, в скором, свернутом виде. Для этого только и существуют воспитание и образование.

Дети, рождаясь, живут как в «естественном состоянии», причем на положении, если так можно выразиться, «рабов», то есть тех, кто учится подчиняться и чьи цели определяются взрослыми. Дети обязаны родителям и жизнью, и поддержанием оной, и защитой, и целями. В своей теории воспитания Гегель является жестким «антигуманистом»: ребенок от рождения зол, то есть имеет дурную произвольную, а не свободную волю, ему еще только надлежит стать свободным через умение подчинять себя разуму. Лишь по достижении совершеннолетия ребенок обретает права свободного гражданина. Он, конечно, может бунтовать в «переходном возрасте», показывая свою «взрослость» и копируя у взрослых то, что ему кажется признаком взрослости, но этот этап юношеского бунта важен так же, как революции в истории, а взрослая жизнь постепенно его поправит.

Казалось бы, все: совершенная система. Но остается вопрос: что происходит с этим «современным государством», если оно сталкивается на международной арене с другим государством? Нанесение оскорбления одному члену государства есть нанесение оскорбления всему государству. Здесь действует принцип «один за всех, все за одного». А оскорбления могут быть нанесены легко, ведь противное государство может быть еще из феодальной эпохи или незрелое, ищущее рабов. А может, это другое «свободное государство свободных граждан», и тогда мы возвращаемся к пункту 1, с которого начался разбор, то есть к поединку между двумя свободными не на жизнь, а на смерть. Только теперь мы имеем дело не с отдельными личностями, а с целыми государствами. А судьи над ними нет, все межгосударственные институты именно межгосударственные, а не надгосударственные, то есть существуют, пока сами государства их признают.

Итак, в этом заключается громадная проблема. Мы бы с радостью могли решить ее, если бы просто для государств повторили бы ту же историю, ту же диалектику, что и для личностей, и заявили бы, что в итоге, дескать, на Земле должно существовать некое «государство государств», в котором все государства будут признаны, наделены правами, будут нести свою функцию... Но...

Однако, государства окончательно самодостаточны и «не нуждаются в признании, как в нем не нуждается Солнце» (так Наполеон сказал о Франции), никакое международное

право не в силах ничего сделать... И слава Богу. Гегель говорит, что если бы не этот факт, не было бы войн, а ведь только войны позволяют умирать за свободу и защищать ее. Без войн государства бы упали духом, подобно тому, как озеро зарастает тиной, превращается в болото без ветра. А кто кого победит, кто исчезнет с лица Земли и из истории, кто останется – это дело Абсолютного Духа, то есть Бога, а не человечье, это судьба народов в их истории.

Впрочем, сама история уже закончилась, утверждает Гегель. Что означает эта загадочная фраза? А то, что диалектика господства и рабства, которая описана выше, просто не имеет продолжения, она закончена. Нет ничего иного, кроме как встречи двух свободных, их столкновения, превращения в господина и раба, деградации господина, освобождения раба, создания государств и войн «свободных государств» между собой. Все, дальше мысли развивать некуда.

Чем же человечество будет заниматься в дальнейшем? Гегель далек был от мысли представлять «конец истории» как некий обрыв. А всю дальнейшую историю все народы, которые еще считаются дикими, то есть находятся в «естественном состоянии», будут подтягиваться к народам, находящимся в авангарде (немцам, французам, англичанам). Эти дикие народы, проходя через стадии рабства и господства, будут наконец-то совершать свои освободительные революции, и, в конце концов, превращаться в «свободные государства свободных граждан», которые периодически будут воевать. А поскольку нецивилизованных народов много, процесс подтягивания арьергарда к авангарду может занять несколько столетий. Главное, что сам авангард уже никуда не двинется. Совершеннее и лучше современного свободного суверенного государства свободных граждан все равно уже ничего нет.

Подтягивать дикарей до высокого уровня силой Гегель тоже не рекомендует. Наполеон уже давал конституцию испанцам, те не смогли принять ее, хотя она была лучше, чем то, что они имели раньше. Нужно, чтобы законы вырастали из народных нравов медленно и верно. А это процесс долгий. Значит и окончание истории – процесс тоже долгий.

Отдельно стоит сказать о России, которая, по Гегелю, осталась вне истории. Когда-то авангардом был Восток, там впервые произошла великая революция, то есть переход от «естественного состояния» к государству. Потом лидером истории были античные народы, понявшие, что свободен не один, а многие, и придумавшие демократические и правовые институты общения свободных между собой. Потом лидерами истории стали европейские и, прежде всего, германские народы, усвоившие истину христианства о свободе каждого и перенесшие ее в политику. А поскольку дальше ничего не будет происходить кроме подтягивания отставших народов к передовым, то Россия, равно как и Африка и проч., никогда не будет «исторической», то есть «делающей историю» страной.

Когда состязание закончено и финишная лента сорвана, неважно кто прибежит вторым, десятым или тридцатым. Наполеон уже прибежал. Остальные обречены на то, чтобы его копировать. Копии могут быть лучше оригинала, даже обязаны быть лучше, так как они уже имеют возможность не впадать в ошибки предшественников, учитывать их уроки и все делать совершенным образом, но все равно это будут копии.

Казалось бы, Россия, в отличие от Африки, где и господа и рабы изнежены, где бананы растут на деревьях и не надо трудиться, наоборот, через труд должна была одной из первых прийти к всеобщему господству и освобождению. Множество войн и нашествий так же должны дать много людей духа. Но, видимо, во всем нужна мера: слишком тяжелые условия столь же не хороши, как и слишком мягкие. Россия оказалась так же привязана к своему антиматериалистическому, господскому духу, как Африка к своему рабскому и телесно-материальному.

В истории было много мыслителей, которые утверждали, что африканцы являются рабами «от природы». Особенно таких «доказательств» было много в период XVIII–XIX веков, когда поднималась мощная волна движения за отмену рабства. Противники такой

отмены много говорили о рабских качествах африканцев, их предназначении служить белым господам, и обосновывали это в том числе климатом. Однако Россия, как самая северная страна мира, должна была стать в центр дискуссии о том, что в ней «от природы все господа», но такой дискуссии в такой форме не возникло.

Да, было много написано о «природной агрессивности русских», о воинском доблестном духе, об извечных имперских амбициях России, о том, что русские «ленивы» и их, в отличие от негров, нельзя заставить работать даже на себя. Но назвать вещи своими именами, а именно сказать, что русские таковы потому, что они все природные господа, никто не догадался. Западу эта тема невыгодна, а сами наши публицисты лишь повторяли западные клише о себе. Кроме того, западный образ господина, как ИНДИВИДУАЛЬНОЙ личности, противоречит русской форме общезнания.

Суровые условия в России вынуждают жить общинами, чтобы умножать силы за счет интегрального эффекта, поэтому идея самостоятельности в смысле независимости ни от кого здесь не прошла.

Россия не смогла перейти к обществу, где единицами будут свободные личности. Но ведь община существует во взаимной признанности ее членов. И это ничуть не противоречит модели современных обществ и государств.

Гегель умер раньше и не имел возможности прочесть наших народников. Но даже если бы он их прочел, скорее всего, сказал бы, что народ, «состоящий из одних господ», так же неистинен, как народ, состоящий из одних рабов, потому что истинный господин самодостаточен и не имеет рабов, а «русские господа», являясь конечно, господами, одновременно являются и рабами самим себе, рабами друг другу, и поэтому замкнуты друг на друга, не в силах разорвать связь и стать самодостаточными личностями, истинно современными господами.

Если в Африке все рабы, и даже тот, кто управляет – раб, то в России все господа, и даже тот, кто подчиняется – господин. Получается, что в России произошло отрицание схемы «господства – рабства», но без «снятия», если использовать гегелевский термин. Противоположности не воплотились в двух разных классах, а интериоризовались в каждого члена общества, и при этом экстеризовались так, что сущностью человека стал не «абстракт, присущий отдельному индивиду, а совокупность общественных отношений» (как скажет Маркс в одном из «тезисов о Фейербахе»). Для Гегеля же дух всегда воплощается только в личность, и именно личность он видит вершиной прогресса. Пафос разочарования в России как стране, которая уже не войдет в историю, унаследовал и обучавшийся в Германии Чаадаев. Зато наши народники прекрасно дополняли гегельянцев-марксистов.

Все это Гегель в общем и целом в разных работах изложил чуть меньше 200 лет назад. Будь он жив, то взирая на бурные XIX и XX века, сказал бы, что ничего выходящего за рамки его метафизики не произошло. Все революции, освободительные и национально-освободительные войны и есть процессы избавления рабов от рабства, становления их свободными. Другие конфликты – это конфликты суверенных свободных государств, обычная толкотня локтями. Не случилось ничего нового!

Вот, скажем, переход человечества от природного состояния «войны всех против всех» к феодальному (эпохе господства и рабства) – была революция, революция нешуточная! Или переход от состояния господства и рабства (деградация господ и освобождение рабов и их взаимное признание друг друга свободными) это тоже была революция ого-го! Целый этап в истории! А сейчас что случилось? Где переход к чему-то новому? К какой-то новой форме? Как и предсказывалось, основное содержание эпохи – это продолжающийся последний этап, то есть продолжающееся освобождение человечества, продолжающаяся эмансипация... Особенно бы порадовала Гегеля американская гражданская война, война за то, чтобы вопреки экономической эффективности люди освобождались от владения рабами только

потому, что ИМЕТЬ РАБОВ НЕДОСТОЙНО ГОСПОДИНА. Гегель, скорее всего, приветствовал бы и революцию в России, если бы она была просто избавлением от сословий, настаиванием на господском положении всех.

Недаром все гегельянцы XX века поддерживали тезис о «конце истории», хотя и делились на лагерь. Те, кто выделял у Гегеля тему, связанную с суверенитетом государства, с его независимостью от международного права, с оправданием войн, смертной казни и жесткого воспитания, такие как Джентиле, Кроче, Ильин, Кронер, Глокнер, Шмидт, были патерналистами, вплоть до поддержки фашизма. Те, кто настаивал на темах, связанных со свободой, эмансипацией: Кожев, Батай, Колингвуд, Ипполит, Фукуяма были в разной степени «либералами». Недаром Фукуяма написал свою знаменитую статью «Конец истории», где по сути повторил сказанное Гегелем: в истории ничего нового больше не произойдет, только подтягивание арьергарда к авангарду – современным эмансипированным обществам.

Надо обладать тупостью, пошлостью и бездарностью Поппера, чтобы считать Гегеля неким прислужником власти. На самом деле Гегель всю жизнь был настоящим последовательным либералом (то есть тем, кто считает сущностью человека свободу и на этом строит все социальные теории и историософию). Он даже приезжал специально позвать руку умирающему наполеоновскому генералу.

В 1808 году Гегель был одним из немногих немцев, кто приветствовал приход Наполеона. В патриотическом угаре его голос звучал как голос «диссидента», «пятой колонны», «предателя», «западника», «вольтерьянца».

Бог свободен, значит истинный либерал должен верить в Бога. Государство возникло как свобода одного, развивалось далее как свобода некоторых (Греция, Рим) и пришло к тому, что служит защите прав и свободы всех. Значит, истинный либерал должен быть государственным.

Собственность есть проявление свободной воли и власти человека как свободного существа над вещью природы, собственность делает свободным. Значит, истинный либерал должен быть за собственность, против всяких коммунизмов.

Так что и либералы и государственники одинаково являются «гегельянами», часто сами того не зная, равно как и многие «прогрессисты» с «консерваторами». И от того-то так трудно классифицировать самого Гегеля. Его, который объемлет целое, стараются сделать частью себя же самого: то либералом объявят, то фашистом, то коммунистом. А он просто все это вместе взятое. Ведь главный принцип его диалектики в том, чтобы признавать истину за всем сущим, только понимать и устанавливать границы. Все люди правы, но в кругу определенных феноменов, когда какой-то принцип начинает вылезать в чуждые ему сферы, он из истинного превращается в ложный.

Особо, в связи с большими историческими заслугами, надо отметить Маркса, который, безусловно, также был гегельянцем. Маркс признает тот же взгляд на историю человечества, что был изложен выше, но последний этап, государство свободных личностей, называет коммунистическим, так как там все люди не только господа, но и братья, так как нет рабов и господ, нет и экономической эксплуатации, хоть прямой, хоть денежной. Ведь, по Марксу, дело в том, что Гегель поторопился объявить современные ему общества свободными. Господство политическое сменилось господством экономическим. Закрепощенные рабы сменились экономическими рабами-пролетариями. Вот когда не будет хозяев и наемных, а все будут акционером единого хозяйственного механизма, тогда уже можно говорить об истинно современном обществе.

Маркс говорит, что сами термины «господин» и «раб» имели смысл, когда была их противоположность. Когда диалектика закончена, и свободные личности признают друг друга, возникают братство и товарищество свободных коммунаров. Когда процессы эмансипации

человечества будут доведены до конца, то войн не будет, так как все свободные народы признают свободу других.

Маркс отказывается говорить о «конце истории». Начиная с середины XIX века классический либерализм и сам начинает впадать в кризис. Да, конечно, молодежь и интеллигенция стремились быть «прогрессивными» и «современными» в плане политических свобод и разного рода эмансипаций, но гораздо моднее и современнее было быть... социалистом или коммунистом.

Весь мир видел успехи капитализма, весь мир видел успехи науки и промышленности, весь мир понимал, что прогресс неумолим, и весь мир стал понимать, что и капитализм так же уйдет, как ушел мир, который был до капитализма. Тот, кто первым покажет, что это будет за мир, кто нарисует призрак будущего, кто заполнит вакантное место могильщика капитализма, тот обречен на великую любовь всех прогрессивных людей.

К. Маркс прекрасно составил свой «Манифест». Он спекулировал на том, что совсем недавно видели все вокруг – как буржуазия расправилась с феодализмом. И показывал, что абсолютно та же судьба ждет буржуазию. Пролетариат не придумывает ничего нового, он просто продолжает дело, начатое буржуазией, и уже скоро без нее.

То, что пролетариат берет с буржуазии пример во всем, сквозит в каждой строчке «Манифеста». Ничто не вечно, не вечно и нынешнее состояние истории. Наоборот, говорит Маркс, только теперь начинается самое интересное, только теперь человечество вступит в «царство свободы». История прежде развивалась принудительно, как судьба, согласно изложенной выше «диалектике господина и раба». Теперь кончилась эта диалектика вместе с господством и рабством, кончилась история как рок, началась история, в которой человечество само себе хозяин, само делает себя. Человечество за время своей истории показало все, на что способно. Методом проб и ошибок оно нащупало правильный путь, теперь будущее поколение избавлено от необходимости искать самому, можно взять готовые «методы» (по-гречески, методос – дорога-колея), готовые «техники» (технэ по-гречески – искусственность, опыт, которому можно научить, который можно алгоритмизировать).

Собственно прогресс свободы и эмансипации в истории и определяется тем, насколько тот или иной народ или человек уже способен мыслить технологически и методологически. Кадры и техника есть производительные силы – базис общества, все остальное – надстройка. Сам Маркс, вслед за Гегелем, говорил о «естественном состоянии», а вот состояние «господства – рабства» для него было разнообразным. Признавались азиатская, наиболее откровенная форма «господства – рабства», чуть более прогрессивная античная форма, еще более продвинутая феодальная, европейская форма, и... современная капиталистическая форма, которая все еще есть господско-рабская модификация, правда замаскированная.

Гегель поторопился назвать современные ему государство и общество обществом свободных людей. Кроме политической эксплуатации и политического «рабства – господства» надо убрать экономическую эксплуатацию. А сделать это способен нынешний современный раб, пролетарий, который трудясь, становится свободным, в отличие от капиталиста-господина, который деградирует, потребляя. Вот когда процесс настоящей эмансипации закончится, тогда и будет всеобщее счастье, коммунизм.

Тут, кстати, появляется шанс для России еще успеть войти в историю. Коль скоро современные государства – это еще не конец, еще господско-рабская форма, то мы можем скакнуть в царство свободы, обойдя Запад на повороте.

Сам Маркс поначалу скептически к этому относился, но в конце жизни русские марксисты его скепсис поколебали. Чем черт не шутит? Действительно, русские общины (правда, не феодальные, а уже освобожденные) могут соответствовать коммунистическому идеалу.

Итак, мы можем видеть, что марксизм просто вариация гегельянства, поэтому то, что XIX и XX века прошли под знаком марксизма, только укрепило бы Гегеля, будь он жив, во

мнении, что он видит предсказанное им же долгое окончание истории, понятой как прогресс свободы.

Когда какой-нибудь невежда услышит сегодня о том, что какой-то Гегель 200 лет назад что-то там говорил про «конец истории», то единственное, что мелькает в его голове, так это что «Гегель – сумасшедший маразматик, считающий, будто знает абсолютную истину, одержимый манией величия... вон же она история, за окном... как можно нести бред про какой-то конец истории...». Тем не менее, этот парень, верящий в США как образец для подражания, борющийся за права человека (или же другой парень, верящий в Маркса и эмансипацию, или же третий парень, верящий в геополитику и государственный суверенитет и проч.), сам не зная того, и является, в гегелевском смысле, типичным продуктом этого «конца истории».

Понадобилось несколько страниц, чтобы наполнить смыслом тезис о «конце истории» и, надеюсь, все, кто прочитал, понимают, что Гегель хотя бы «в рамках своих представлений» имел право так говорить (не будем пока требовать от публики большего и доказывать, что философ потому и философ, что вообще не имеет «своих представлений», а глаголет истину, которая не считается чем-то далеким, а носится человеком с собой; собственно истина и делает человека человеком, иные существа на истину не способны). Гегелю же для разъяснений того, о чем он говорит, понадобилось не несколько страниц, а десятки томов. Поэтому философ М. Мамардашвили говорил о «презумпции ума» при подходе к великим. Если я слышу, что Великий Философ, Святой или Поэт «несет какой-то бред» и «порет какую-то чушь», я просто обязан хлопнуть себя по затылку и сказать: «я, червь, чего-то не понимаю», если конечно, я не желаю быть самодовольным болваном, судящим и рядящим всех и вся в соответствии со своим скудным умишком. Для «шарикова», плебея и хама не существует ничего великого, он обо всем судит по своей низкой мерке и отвергает все, что в его узколобое мировоззрение не вмещается. Зачастую некая «образованность и начитанность» только усиливают хамство, так как плебей считает, что уж теперь-то, получив два образования или даже кандидатский диплом, он точно имеет право вершить свой скорый и смешной суд над Великим.

Я это к тому, что сами великие философы воспринимали великих философов всерьез. Ницше, в отличие от своего куда менее великого учителя Шопенгауэра, только по молодости позволял себе хамские замечания в отношении Гегеля. Чем старше и мудрее он становился, тем больше понимал, насколько серьезен «конец истории» и как непросто самому стать «утренней зарей», то есть началом нового этапа. У Ницше тоже, как и у Гегеля, есть фраза, которую посредственности считают «бредом сумасшедшего, одержимого манией величия»: «То, что я пишу, есть история ближайших двух будущих столетий».

Философское мышление – это мышление в пределе. То есть Гегель, например, понимал прекрасно, что «конец истории» может длиться дольше, чем сама предшествующая история, но поскольку он ее всю схватил и определил, дальше она была ему уже не интересна. Так же рассуждает и Ницше. Он допускает, что Гегель прав, он принимает эстафетную палочку там, где Гегель ее оставил. Ницше тоже, в отличие от Маркса, уже не интересны процессы эмансипации человечества, процесс окончания истории, процесс подтягивания арьергарда к авангарду, диких народов к цивилизации, эксплуатируемых к эксплуататорам... В принципе, понятно, как и сколько это будет происходить и к чему придет. Но что будет дальше и есть ли это «дальше», возможно ли оно? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вглядываться в зародыши тех процессов, которые уже идут в «авангардных обществах», в развитых странах Европы. А главное, надо еще раз более тщательно исследовать проблемы диалектики господства и рабства на предмет обнаружения там непомысленного, незамеченной проблемы, которая может стать определяющей в будущем.

Чтобы понять, как Ницше размежевывается с Гегелем (и в его лице со всей предшествующей метафизикой), мы должны увидеть подрыв логики, которая вела Гегеля, а для этого

Гегель специально был изложен «по пунктам». Конечно, если вы уже все знаете в этой жизни и просто развлекаетесь, почитывая «умные» статьи для того, чтобы самому себя поощрять «умным», в чем-то соглашаться, а с чем-то поспорить, если ваша цель – некое самоудовлетворение, а не желание разобраться в сути, нет необходимости возвращаться к гегелевским пунктам и перечитывать их параллельно с тем, что будет ниже говориться о Ницше. Если же вас интересует именно суть дела, а не времяпрепровождение в клубе умников посредством чтения чего-то умного, которое только подчеркивает статус «члена клуба» и не более того, то лучше возвращаться к началу и сравнивать позиции Гегеля и Ницше.

Пункты 1–6, пожалуй, идентичны. Здесь Ницше не видит причин расходиться с Гегелем. Свободный и раб тестируются в смертельном поединке. И для Гегеля, и для Ницше это банальность, общее место. Это свидетельствует о принадлежности Ницше к западной метафизике, вопреки мнению слишком яростных его поклонников, которые утверждают, что Ницше «все преодолел и все перевернул», он, дескать, абсолютно новая страница. Истина – такое серьезное дело, что тут любое отклонение в интерпретации уже революционно, поэтому не надо оказывать Ницше медвежью услугу, преувеличивая и без того великие заслуги.

Пункты 7–Здесь уже есть серьезные расхождения. Хотя Ницше говорит, что «против поединка можно сказать то, что он делает победителя глупцом, а проигравшего – злобным», он не заикливается, как Гегель, на носителях господского и рабского сознания и на том, как они меняются местами. Да, наверное, раб может стать господином, возможно, и господин может опуститься на уровень раба, мы часто такое видели в истории. Но это все эмпирия, опыт, который для философа не значим.

Гегель подошел к вопросу социологически. Глядя на деградацию господ и эмансипацию рабов, он обосновал практику логикой, тогда как настоящая философия, наоборот, опережает практику (и с этим вынужден был бы согласиться и сам Гегель, ведь он говорил, что «если факт не соответствует истине, тем хуже для факта»).

Ницше интересует само предельное продолжение логики господства и рабства. И вот, вопрошает Ницше, чем должна быть предельная, бесконечная, абсолютная воля, та самая, что помогает победить в поединке? Предельная абсолютная воля есть воля, которая волит саму себя и ничего больше. В противном случае надо будет признать: то, к чему стремится воля – выше воли, а значит, воля не будет абсолютной.

Такая воля, волящая саму себя, называется волей-к-власти. Власть здесь не некая цель, а просто команда воли самой себе: будь выше, сильнее, быстрее, будь самовозрастающей волей. Что мешает воле возрасть? Естественно, некая противостоящая воля. Поэтому воля всегда сталкивается в поединке с другой волей. Но здесь, опять же, можно вслед за Гегелем изображать, что будет после столкновения волей, и подходить к вопросу эмпирически, а можно заглянуть дальше, за предел, и представить, что есть некая воля, которая, допустим, уже победила всех. Что будет мешать самовозрастанию такой воли? Ведь она должна продолжать расти, она же есть постоянный саморост.

Ответ Ницше прост: мешать росту воли может только она сама. А когда воля мешает себе расти? Только когда она направлена против себя, направлена на самоотрицание, когда борется с собой. Но когда она борется с собой? Когда она борется со своим прошлым, с формами себя прежней и несовершенной, когда занимается «мстью». То есть пытается стереть следы прошлых ошибок, неудач и т. п.

Следовательно, утверждает Ницше, совершенная воля есть воля, которая избавлена от духа мести, воля благородная, воля, которая наоборот, желает повторения прошлого, именно так, как оно было, и никакого другого прошлого ей не надо. Воля, желающая повторения прошлого, предполагает такое устройство мира, когда все повторяется и все возвращается. Воля-к-власти рождает «вечное повторение одного и того же».

Но мир, в котором все повторяется, лишается любого внешнего смысла, он бессмыслен. Понимание этого ужасно, и этот ужас сквозит в философии учителя Ницше – Шопенгауэра. Но Ницше открывает и позитив в этом ужасе. Коль скоро нет целей, ценностей и истин, которые нас определяют, мы сами можем творить цели, ценности и истины. Настоящий господин, который обладает абсолютной волей, только потому и господствует, что дает истины, ценности и цели рабам. Господин устремлен в будущее, а рабы следуют за ним, служа намеченным целям, ценностям и истинам, подчиняя свою маленькую волю им. Зная бессмысленность мира, господин не страшится и смерти, потому что сама бессмысленность ужаснее смерти, да и смерть ничего не способна сделать с господином, он вернется еще вечное количество раз.

Гегель настаивал, что ужас, который потрясает того, кто рискует жизнью, кто в поединке идет на смерть, должен быть максимально глубоким. Но у Гегеля ужасается и страшится раб, тогда как господин бесшабашен. Ницше наоборот, считает, что ужас, далекое заступление в смерть до предела, пронзает господина, а вот раб не доходит до предела, он боится ужаса и останавливается на страхе.

Ницше верит в великую силу ужаса, которая пробуждает в человеке текучесть мышления, содрогает его существо. Ницше поэтому считает, что текучее мышление есть полное отражение текучести самого Бытия, а значит, нет и не может быть никаких раз и навсегда данных мировоззрений, ценностей, истин, идеалов, богов. Тот, кто понял смертность всего, в том числе и богов, сам становится выше богов, ценностей, идеалов, его сердце теперь бьется в согласии с самим Бытием, он сделал сутью себя саму суть Бытия. Он называется сверхчеловеком, в отличие от всего лишь человека, который боится ужаса и от страха придумывает себе уютные непротиворечивые мирки, иллюзии, истины, ценности, методы, которые должны страховать его, внушать иллюзию стабильности, вечности, какого-то порядка, что-то ему гарантировать... Жизнь бесцельна и бессмысленна, только это понимание и позволяет рисковать жизнью. Вот что открывает ужас, и что само ужасает еще больше.

Грек знал ужас Бытия – говорит Ницше уже в «Рождении трагедии». Греки были для Ницше господским народом. Рисковать жизнью и испытывать этот ужас обязательно, и это как раз дело господина. А вот раб испытывает не ужас, а страх. Страх есть способ избежать ужаса, есть реакция на ужас, есть его извращенная форма. Страх есть способ избежать содрогания. Поэтому вся мораль и философия, родившиеся из страха, философия поклонения собственным же иллюзиям, есть мораль и философия рабов, а это и есть, по Ницше, вся предшествующая мораль и философия.

Господин мог бы убить труса, но дарит ему жизнь, трус всю жизнь отработывает «долг». Вот отсюда и берется понятие «должного», центральное и матричное для всей морали. Из морали вырастает и религия с ее должными «ритуалами и культами». Из морали вырастает и наука с ее должными «правилами» и «методами», с ее принудительностью. А сейчас методы и правила погубили и саму науку, ибо в первой науке еще была поэзия, еще был смелый бросок в истину, сейчас же эта истина свелась к безошибочности. Боязнь ошибки, желание гарантированно получить истину через соблюдение всех процедур есть бюрократизация и смерть духа исследования.

Рабское мышление, выросшее из страха, из «долга», кончается бюрократической моралью, бюрократической наукой и бюрократической политикой. Раб не становится господином, по Ницше, через терпение и труд. Терпение и труд только закрепляют рабскость мышления, превращая его в «мудрость» терпения и всепрощения, в жизнь по «принципу реальности», как позже скажет Фрейд. С вечной отсрочкой, вечным «откладыванием на потом», откладыванием до «загробной жизни», с пониманием своих границ, с делением всего по категориям (границам), с невозможностью преступить границы, рискнуть, пойти в неведомое.

Рабское мышление систематично, господское мышление, которое соответствует сути текущего Бытия, само текуче, оно поэтично. Рабское мышление не учредительно, оно не знает господского «хочу», хочу сейчас, именно сейчас, в данное мгновение, того, что тот же Фрейд называл «принципом удовольствия». Наоборот, господская жизнь настоящим, а не отсроченным, жизнь мгновением есть основа новой «морали», если так можно выразиться. Принцип этой морали таков: живи так, чтобы ты хотел повторить бесконечное количество раз каждое прожитое мгновение (учение о вечном возвращении одного и того же). Задавай себе вопрос: а достойно ли то мгновение, которое я сейчас переживаю, того, чтобы бесконечное количество раз повторяться? Если нет, то это «плохое мгновение» и надо искать иного.

Ницше как гетевский Фауст ищет мгновение, которое было бы достойно того, чтобы его остановить. Господин ищет удовольствий, но эти удовольствия не удовольствия рабов. Поскольку господин много их испытал, он знает в них толк, он не прельстится первыми попавшимися, грубыми. Раб трудится, чтобы потом отдохнуть, предавшись безобразным грубым удовольствиям. Господин находит удовольствие в творчестве, от которого не требуется отдыха, так как тут нет противоположности труда и отдыха. А вот труд и творчество принципиально различны. Труд есть формирование природного сущего по неким формам, а творчество есть производство самих форм, ценностей и смыслов. Труд есть преобразование природы, творчество – преобразование культуры, творение целей и ценностей.

Вот тут и становится понятно, что господин никак не может зависеть от раба, потому что формы для формирования цели и ценностей ставит и предоставляет рабу он. Он определяет его дух, все его сознание, его, если так можно выразиться, «культуру», все человеческое в нем. Ведь не может быть копий без оригинала, а значит, не может быть рабов без господина. Сам же господин не нуждается в рабах с материальной стороны, он аскет, он довольствуется немногим, он способен обслужить сам себя, он одинок.

Напрасно Гегель говорит о пресыщении и деградации господина. Настоящий господин ищет новых и новых опасностей, он повышает ставку в игре, его девиз: больше власти, еще больше власти. Воля, которая приказывает себе расти и расти, и есть воля-к-власти, она только и есть настоящая воля. Воля, которая перестает расти, уже перестает быть волей. Да, господин может пасть и стать рабом, но это не необходимая судьба, а случайная, необходимым же является бесконечный и бесцельный рост воли.

Пункты 10-Раб не способен сам освободиться, считает Ницше. Его освобождает господин, свой или чужой – неважно. Все революции и бунты, по Ницше, смешны. Ты называешь себя свободным? Тогда ты должен открыть новую истину, должен уметь повести за собой, похитить меня. Если ты не можешь, значит, ты и не освобождался, и лучше бы тебе оставаться в рабстве, так ты хоть имеешь истины и ценности от своего господина.

Собственно господство в том и заключается, что оно есть постоянное освобождение раба! Господство над рабом держится не на силе и страхе смерти, а на том, что господин все время освобождает раба, все время его эмансипирует, все время дозированно облегчает его участь. Раб хочет жить легче и проще, господин дает ему это, давая смысл его жизни, ставя новые цели и открывая новые горизонты и возможности. Раб не умеет творить цели и идеалы, господин дает ему их. Без целей и идеалов жизнь раба была бы невыносима. Он постоянно боится ужаса бессмысленности существования. Он бежит от Истины, которая заключается в том, что мир бессмыслен, бежит в поисках смысла, ценностей, идеалов. Эти идеалы, эти ценности и образцы для подражания предоставляет господин, и раб боготворит его за это.

Какая-нибудь звезда спорта или топ-модель потому и являются звездой и моделью, что они есть образец, некий новый стиль, новая форма, в подражание которой раб уже начинает формировать свою природу. Сам же господин природу не формирует, он ее раскрепощает, освобождает. Господин вообще освобождает все, к чему прикасается. Он раскрывает внут-

рение потенции, стремится реализовать все, что возможно. Он хочет пойти во все уголки, где еще никто не ходил, пересекает все границы, нарушает все правила, он пробует все. Но делает это не для «проб и ошибок», а просто потому, что все возможное должно осуществиться, чтобы было изобилие и богатство путей и возможностей! Чтобы из них был выбор. Чтобы этот богатейший выбор увеличивал степени и пространства свободы.

Рабы постоянно нуждаются в увеличении выбора идеалов, путей, ценностей, истин и образцов. Если кто-то им их не предоставляет, они начинают воить Ничто, то есть разрушать, бунтовать. Поэтому, если господин деградирует, сам становится рабом, его воля-власти не растет постоянно, не предоставляет новых степеней свободы, то рабы свергают этого господина на основании того, что он уже не господин, а раб, то есть такой же как они. И они ищут себе нового господина, того, кто будет ставить им новые цели, вдохновлять новыми идеалами.

Только рабы бунтуют, революция не есть признак свободы, а полное доказательство рабства. Рабы переменчивы, их бунт постоянен, он закрепляется в таких политических формах как выборная демократия, которая есть упорядоченный бунт. Бунты есть симптом того, что рабы хотят новых идеалов, а их растущая воля голодна. Это значит, что господа не дают им новых форм, целей и смыслов. А значит, в обществе есть дефицит господ.

Для Ницше нет ничего отвратительней выборной демократии, этого общества рабов без господ. Господин и аристократ всегда волк-одиночка, все истинно великое и подлинное редко, только копии и подражания бесконечны и представлены во множестве. И вот эта множественная убогость, эта рабская масса выбирает себе господ, вырабатывает критерии хорошего и плохого, доброго и злого, истинного и ложного. Но как низшее может судить о высшем? Все дело в том, что историческое преобразование в современную демократию стало возможным благодаря тому, что есть иллюзия, что современный раб более свободен, чем прежний господин. Ведь современный раб якобы знает больше, владеет огромным количеством методов и образов, техник и наук, идеалов и норм, его степени свободы и выбора значительно превосходят возможности древних.

Прежний господин кажется ребенком в сравнении с любым нынешним заурядным человеком! Это ли не прогресс? Нет, отвечает Ницше, это только кажимость, и современное общество есть общество декадентское. Господин способен к творчеству и риску, нынешний раб, пусть он знает и умеет больше, на самом деле пользуется плодами, произведенными не им, а другими господами. Он слишком много знает, ему надо научиться забывать. Он знает много целей, ценностей, методов, у него огромный арсенал возможностей, но он не умеет их сам творить. Самое обидное, что таких, кто может творить, все меньше и меньше.

История есть не прогресс, а сплошной упадок, торжество декаданса, нигилизма, геноцид господ. Видимо, она эмансипация, так как прежние господа дали много целей и ценностей, но по сути, она – закабаление, так как в момент, когда господа исчезнут и ценностей никто уже дать не сможет, история завершится и превратится в постоянный бунт, в постоянное требование новых горизонтов, без всякой возможности их удовлетворить. Этот бунт, перманентная революция, и будет замыканием круга бытия, вечным «сизифовым трудом», бессмысленным кручением и вечным возвращением одного и того же без возможности разорвать круг.

Если в «естественном состоянии» люди жили полнокровной жизнью, здоровыми инстинктами, встречали смерть, радовались жизни, то уже переход к государству есть некий упадок. Законы придумали слабые для защиты от сильных, какие-то нормы и категории уже есть уступка толпе. Преступников же, тех, кто шагает за горизонт, переступает прежние нормы и ценности, то есть людей с прежней дикой волей, хваткой господ, это бюрократическое скучное государство перемалывает.

Но и в феодализме есть еще своя прелесть. Есть иерархия, то есть понимание, что существуют верх и низ, есть культура аристократии, великие идеи, безумства, великие страсти и великие дела. Есть войны, основания и разрушения царств, творения целых языков, миров и мифов, великие подвиги и великие предательства.

Но современное государство – это государство рабов и для рабов. Современные люди не способны ни на что великое, они думают только о комфорте и здоровье, у них не страсти, а страстишки, у них не грехи, а грешки. Их пугает война, и даже малые жертвы вызывают ужас и толки. Их мышление зашорено «методами». Их государство бюрократизировано и скучно. Они уже не способны ничего породить, это стадо без пастыря, бредущее неизвестно куда, колышущееся, блуждающее и обреченное на медленное умирание. Из этой массы уже не родится господин, а если и родится, то будет неузнан и затоптан.

Главное, что происходит – отказ от иерархии, высшего и низшего, а значит, воля уже не понимает, что она может быть совершенной или несовершенной, она не растет. Без тех людей, кто не понимает разницу между великой волей и слабой волей, то есть без людей, которые делают рост своей сущностью, общество лишается тех, кто преодолевает современное состояние, а значит, творит новые цели и идеалы. А без новых целей, ценностей и идеалов масса рабов постепенно деградирует. В процессе истории рабы постепенно подрубили сук, на котором сидели. Борясь с господами, эмансипируясь, они в итоге убили и творческие силы истории.

Мир кончится не взрывом, а всхлипом, как скажет позже Элиот. Поразительно, как в истории воспроизводится одна и та же матрица! В прежней Церкви, например, были священники, которые имели возможность читать писание, отпускать грехи, иметь на себе святой дух, и была толпа, которая за всем этим обращалась к священникам. В реформацию происходит так, что все по сути становятся священниками, то есть получают возможность читать писание, быть самому себе совестью, отпускать грехи, общаться с Богом без посредников, причащаться под обоими видами (как сказал остроумно Маркс: «Лютер превратил попов в мирян, превратив мирян в попов»).

Надолго ли рабы стали господами? Нет, скоро, все опустились до уровня рабов, до полного атеизма. Ровно то же самое повторилось с переходом от феодального строя к капитализму. Сначала все рабы получили привилегии господ: право выбирать власть, право носить оружие, право называть себя господами. Надолго ли? Скоро общество господ деградировало до общества рабов. Так происходит всегда, когда уничтожается высокая планка. Устранение различий привело не к тому, что низшие стали тянуться к высшим, а к тому, что высшие опустились до низших.

Пункты 15-Современное воспитание не создает господина, наоборот, все оно только и заточено под создание раба. Везде стандарт, везде уничтожение индивидуального и творческого, обучение умению следовать образцу, а не создавать его, бесконечные упражнения в повторении, а не в неповторимом. Воспитание скучно, оно заражено «немецкостью», муштрой.

Действительно, история индивида в воспитании повторяет историю рода, но только в смысле деградации, упадка. Ребенок от рождения благороден, он свободный Маугли. Его детство – это война всех против всех, это опыт героизма и предательства. В юности он познает риск и страсть, лелеет идеалы, мечтает изменить мир, любит и ненавидит. Проходит школу и университет, ломается и причесывается, и превращается в скучного филистера, чеховского персонажа, который больше ни на что не претендует.

Так что воспитание – не школа господина. Что еще остается из гегелевского арсенала, придуманного, чтобы все-таки как-то сделать свободу не естественным качеством, а качеством, за которое борются? Войны государств? Они все более редки и менее кровопролитны, к тому же это войны трусов. Это не поединок, где все решала доблесть рыцаря. Современ-

ные войны ведутся оружием, а оно таково, что победа достается не самому смелому, а многочисленной или вооруженной армии. Трус с пулеметом эффективнее героя с мечом. Так что нынешняя война не способствует росту количества героев и господ, она способствует прогрессу оружия и техники. А прогресс подгоняется трусами в очках, которые его производят, чтобы иметь возможность не встречаться с опасностью лицом к лицу.

Современные государства типа Англии или Германии, граждан которых Ницше сравнивает с быдлом, с коровами или осликами, обречены. Это действительно конец истории, и это ее тупик. Нет, эти государства не умрут завтра, они будут гнить еще 300 лет, не меньше, отравляя вокруг все действительно свободное и творческое. История не будет, как этого хотел Гегель, подтягиванием арьергарда к авангарду. Поскольку авангард зашел в тупик и деградирует, он станет легкой добычей тех, кто еще не успел деградировать, кто шел следом за авангардом.

Граждане цивилизованных стран – идеальные рабы, все их добродетели – это добродетели рабов. Точность, аккуратность, законопослушность... Кто же откажется от таких поданных? Вектор сменился, история не просто кончилась, она потекла вспять. Последние станут первыми, а первые последними!

В этой связи Ницше видит довольно большие перспективы у страстных и игривых романцев (итальянцев, испанцев, французов), у авантюристов и аферистов – американцев, у отважных brutальных исламских народов, у благородных арийцев иранцев-зороастрийцев, у разделенных до сих пор на касты, хранящих чистоту индусов, у пылких природных африканцев, у монголоидных упрямых азиатов, у евреев, умеющих выживать без государства, все еще хранящих родовые привычки, и конечно, у русских, с их открытой широкой господской, казаческой, свободной преступной душой.

История началась где-то в Азии, на Востоке, дошла через античность до современной Европы, потом медленно начнет проходить тот же путь с Запада, опять на Восток, через новое средневековье к смерти государства как такового, к «естественному состоянию». Так будет свершен круг Бытия.

Пункт О русских подробнее. Из предыдущего пункта мы видим, что Ницше «приговорил» к смерти в первую очередь протестантские страны, те, что Гегель считал авангардом истории. Протестантизм, из которого вышли капитализм и демократия, есть, согласно Ницше, особое искаженное христианство, христианство подлых жрецов – Лютера и ап. Павла, религия рабов. Католицизм (которого держатся романские народы), а тем более Православие, гораздо лучше. Так как в католицизме живет римское, а в Православии – еще более благородное греческое. Это великое античное, хотя оно уже есть начало конца, начало заката-захода-запада, начало конца истории, но все-таки не в таких декадентских формах как современность. Поэтому ближайшие эпохи будут отданы именно этим странам.

У Ницше много учеников французов, его пленяют итальянцы и испанцы, но славян, и особенно русских, Ницше просто боготворит. Он сочиняет себе легенду о том, что сам принадлежит к потомкам польского аристократического рода Ницких. Он влюбляется в русскую авантюристку Лу Андреас-Саломе, он встречается и переписывается с Мальвидой Амалией фон Мейзенбург – воспитательницей дочерей А. Герцена, которая, кстати, сватала одну из дочек Герцена за Ницше.

Ранний Ницше с упоением читает позднего Герцена, некоторые исследователи даже находят в ранних работах Ницше плагиат. Ницше восторгается Достоевским, называет его самым тонким психологом, превосходящим его самого, у Тургенева заимствует слово «нигилизм» и делает одним из центральных в своей метафизике.

Если культурная Европа видит в русских недочеловеков, за дикость и нецивилизованность, видит, говоря словами Гегеля, народ, состоящий еще из несознательных господ, то Ницше как раз эта дикость и восхищает. Только русские, если верить разбросанным там

и сям по различным афоризмам характеристикам, выступают для Ницше народом сверхчеловеков, страной господ! Ницше восхищен русской внутренней свободой, благородством, воинственностью, имперскостью, сексуальностью, решимостью, капризностью, широтой, буйством, игрой, преступностью, аморализмом, витальностью, казачеством, авантюризмом, музыкальностью, поэтичностью.

История России – это история освоения огромных, самых больших в мире, северных пространств, самых диких и суровых. По любимой Ницше легенде, здесь в северной стране живут гиперборейцы – сверхчеловеки, самые сильные духом.

История России – это история бесконечных войн. Никто не воевал так часто и так блистательно, как русские. Если война – дело господ, то все бесстрашные русские – господа. Безусловно, большее количество войн и набегов, пережитых Россией, воспитывает огромное количество людей, которые не боятся смерти, которые готовы идти на смерть, что является основным условием господства. Русские бесстрашны, они не дрожат за свое тело и вообще не дорожат материальным. Ведь на своем веку каждый из них не раз видел все разрушенным, то суровой погодой и природой, то нашествиями и войнами.

Тщета всякого уютного мещанского мирка настолько прозрачна, что в России никогда надолго не может прижиться ничто низкое и мещанское. Война, голод и холод – это повседневность, они не страшны, поэтому у русских и нет рабского страха и вырастающей из него декадентской философии и морали Запада.

Казалось бы, суровые условия хозяйствования в России и постоянное напряжение сил для борьбы с захватчиками должны давать не только господскую, но и рабскую психологию, психологию, устроенную по принципу реальности, психологию того, кто в работе подчиняет себя предмету. Но дело в том, что именно разрушение от войн, голода или холода, неурожая показывает обитателям этой страны бессмысленность и бесполезность усилий, работы. А это и есть открытие тайны Бытия.

Она, бессмысленность сущего, знакома русским. Поэтому они не работяги, как немцы, не стараются выучить и запомнить все формы, методы, техники. Русские не сильны профессорами, зато сильны учеными-первооткрывателями, путешественниками, писателями, композиторами, поэтами, полководцами, святыми, подвижниками.

Даже знаменитая русская лень есть признак того, что народ не способен к кропотливой изнурительной работе по «принципу реальности», по которому живут рабы. Всякая работа для русского слишком мелка: ему бы державами править, а тут предлагают забор красить. От ремонта забора или сидения на службе, без великого, русский начинает пить, а когда пьет, то наружу выходит все его широкое господское, непроявленное, загнанное внутрь бессознательное.

Водка заменяет русским искусство, ведь единственное предназначение искусства, по Ницше, – пьянить, разрушать границы, делать все зыбким и текучим, как само Бытие, поднимать над самим собой. В пьяном веселье хлещет через край сама жизнь, режется последний огурец, дух торжествует над материальными благами.

В нормальной стране соотношение господ и рабов нормальное: господ мало, а рабов большинство. В России это соотношения явно нарушено: тут каждый второй «Аятолла и даже Хомейни», как пел Высоцкий. Россия должна куда-то девать избыток господ. Иначе внутри скапливается большое количество «преступников». Эта любовь к блатной романтике в России тоже свидетельство господской сущности ее народа. Какое-то время проблема избытка господ решалась за счет колонизации, казачества. Поэтому Россия и освоила гигантские пространства. Какое-то время проблема решалась за счет эмиграции культурной, творческой элиты. Иногда помогали войны и катаклизмы. Но они решали проблему временно, каждый раз давая новое поколение не боящихся смерти. Война только и может постоянно

решать и порождать эту проблему, снова решать и снова порождать, поэтому война – рок русских.

Пункты 20-В отличие от Гегеля, который уже в расцвете лет был назначен «главным немецким философом» (для немцев XIX века это то же самое, что главный футболист для бразильцев, главный хоккеист для канадцев, самый богатый человек для американцев), Ницше не был признан при жизни. Лишь умирая, он получил известие о том, что в разных европейских странах появились первые ученики, пропагандирующие его философию. «Они нашли меня, теперь их проблемой будет как меня потерять...».

Первые ученики Ницше восприняли его предельно вульгарно, как всего лишь очередного бунтаря против господствующих укладов, очередного модного либертинианца, очередного «фармазона». Не было в Европе в начале века негодяя, который не называл бы себя ницшеанцем, вспоминал Ясперс.

Бога нет, значит, все позволено. Раз все позволено, то бей, круши, эпатируй. Такие «сверхчеловеки» квалифицировались бы самим Ницше как рабы, поскольку они не творят новых форм и ценностей, а бунтуют по старым сценариям или в творческом бессилии волят Ничто, разрушают. Настоящий сверхчеловек не находится в конфликте с прошлым, он жаждет и волит его.

Да, примитивная воля-к-власти на ранних стадиях брыкается и не хочет быть определяема ничем, и прежде всего, прошлым. Почему я не выбирал страну и время, где мне родиться, язык, родителей, религию? Все это мне досталось из вне, и я этим определен, стеснен. Я сам хочу выбрать религию, страну проживания, друзей и врагов.

Даже тело, даже пол я должен уметь создать себе сам, не говоря уж про конструирование духа.

Но борьба с прошлым, со временем, с «это было и это не изменить» есть некая противоволя внутри воли. Такая воля будет не чистой и не абсолютной, такая воля мешает себе расти. Это хамская воля, воля раба (Хам, как мы знаем по Ветхому Завету, это сын Ноя, который смеялся над своим отцом). Наоборот, настоящая воля желает, чтобы прошлое было еще раз, настоящая воля относится к приданному, как к корням, а чем они больше и глубже, тем выше дерево. Рост в высоту постоянно сопровождается возвратом к истоку, питанием корней, чтобы они проникали глубже. Так постепенно оказывается, что определенность своих места и времени рождения преодолевается за счет того, что родиной становится весь мир и вся история, свои корни находят во всех религиях, свой пол – в каждом поле и каждом теле.

Высокая воля не выбирает, она волит все зараз. Где есть выбор, там еще нет свободы, где есть выбор, там еще есть не выбор, а значит, вина и нечистая совесть, стремление вернуться в точку развилки и выбора, чтобы переиначить. Поскольку же истинная воля не выбирала, а волила все как есть, она и не мучается виной за не выбор, прошлое ее совершенно, ей не нужно другого. Говорил ведь раньше «всечеловек» (по признанию Достоевского) А. Пушкин: «не желал бы переменить ни судьбу, ни отечество».

Разница между примитивной волей (с ее желанием все основывать на себе и пропускать через себя, с ее борьбой с прошлым и самоконструированием) и совершенной волей (с ее всежеланием, принятием прошлого и превращением его в ресурс) и есть разница между тем, что во второй половине XX века будут называть «модернизмом» и «постмодернизмом».

Именно 100 лет понадобилось, чтобы важнейшие интенции мысли Ницше были поняты и начали усваиваться человечеством. До этого Ницше просто считали очередным бунтарем, эмансипатором и эпатирующим художником в череде таких же «оригиналов». Понадобилось 100 лет, чтобы ницшевские слова о том, что «искусство выше истины», что «истина род заблуждения» превратились в действительность через мир рекламы и виртуальные цифровые миры. Потребовалось 100 лет, чтобы стала действительностью ницшевская теория изобильной разнообразной жизни-хаоса, она стала действительностью через соци-

альные технологии управляемого хаоса и производственные технологии добычи газа (газ искусственное слово, состоящее из слов «хаос» и «гейст», по-немецки – дух). Как нефтяники и газовики добывают энергию природы, и она питает весь материальный мир человечества, так пиарщики и политики добывают энергию масс и культуры, чтобы она наполняла социальные институты и двигала историю.

Современный мир газовых войн, топ-моделей и интернета, пиара и мультикультурности – это мир Ницше. Настоящие революционные творческие мысли, настоящие вещи, которые изменяют мир, приходят тихо, на голубиных лапках, задолго до признания, говорит Ницше. В этом смысле его, как и Гегеля, так же не удивил бы XX век. Ницше тоже увидел бы в нем свою сбывшуюся философию. Естественно, как и всякая великая философия, ницшевская требовала своих интерпретаторов и вульгаризаторов.

Как было гегельянство, так было и ницшеанство. Ницшеанцем был Оскар Уайльд и его герои-эстеты, художники и аристократы, ницшеанцем был Горький со своим Данко, вынимающим сердце, ницшеанцем был и модный в начале XX века у нас Арцыбашев со своим сексуальным Саниным.

Первые ницшеанцы (а это, как правило, культурная богема Европы) видели своих «сверхчеловеков» именно такими. Потом пришел железный век, и возник вопрос: а может, настоящий ницшеанец – это Мартин Иден из одноименного романа Джека Лондона, или коммунист Губанов из фильма «Коммунист»? А может, эсэсовец, ни одна струнка души которого не дрогнет, когда он отправляет детей в газовую камеру? А может, араб, направляющий самолет на Всемирный торговый центр? Все это настоящие «белокурые бестии», все это настоящие суверены в соответствии с теорией суверенитета, разработанной ницшеанцем Ж. Батаем. Может, наоборот, ставящий на традицию эзотерик, герой Элиаде, Генона и Эвола?

Но вот пришла гуманная виртуальная послевоенная эпоха. И может быть, настоящие сверхчеловеки – мирные герои виртуальной вселенной, сделавшие себя сами, звезды Шварценеггер и Майкл Джексон? Может быть, спрашивали представители второй волны ницшеанства, постмодернисты (Барт, Делез, Фуко и др.) – это борцы за политкорректность, модные художники и литераторы?

Вся эта галерея «сверхчеловеков», имея в себе те или иные черты того, о чем говорил Ницше, тем не менее не удовлетворяет краткому определению сверхчеловека: «Цезарь с душой Христа». Что означает это определение? Это совершенная, абсолютная воля (Цезарь) и избавленность от духа мести (Христос). Но разве не есть это вместе с тем лучшее определение традиционного русского человека? Например, А. Суворова, не знающего поражений и благородно прощающего всех своих врагов? Разве не есть это Пушкин, отважно идущий на дуэль и который «не желал бы переменить ни судьбу, ни отечество»? Может, это шизоидный Достоевский, воплощающийся во всех своих персонажах? Может, сверхчеловек – это «диалогичный карнавальный человек» Бахтина? А может, простые русские женщины, дети которых воевали на фронте, но которые (что несказанно потрясло немцев) перевязывали раненых немецких солдат и голосили над убитыми? Может, это русский солдат И. Масалов, памятник которому стоит в Трептов-парке, спасший немецкую девочку? Разве это не «Цезарь с душой Христа»? Впрочем, похоже, настоящий тип нам еще не явлен, да и прошло только 100 лет из тех 200, что Ницше определил как сферу господства своей философии. Вероятно, потенции ницшеанства еще не раскрыты.

Пункт Об отношении к Марксу надо сказать отдельно, не только потому, что в этом пункте выяснялось его отношение к Гегелю, но и потому, что марксизм сыграл не последнюю роль в судьбе нашей Родины.

Ницше не читал Маркса, потому как с предубеждением относился ко всякому социализму и экономизму. Сама идея, что материальные потребности правят миром, могла бы показаться ему чудовищной глупостью. Материальное интересует только глупого раба, кото-

рый, естественно, ничем не правит. Все решения принимает элита, а элиту материальное, которого у нее в избытке, волнует меньше всего. Указание на то, что мелкие людишки, желающие материального, объединяются в классы и массы, а это уже сила, вызвало бы у Ницше возмущение: это и есть тот самый нигилизм и упадок, о котором он все время говорит.

Вульгарный марксизм, таким образом, – религия рабов, симптом и выражение мирового заката, декаданса, самая низкая и опустившаяся форма христианства, которая уже даже обходится без Христа. В идеалах коммунизма господствует рабочий, рабский принцип реальности, отсрочка, откладывание на потом ради идеала, сказки, фикции. Забывается истина этого мира о том, что все идеалы и ценности полагаются волей и служат ей. Мир идеалов, которым надо служить, придумывают жрецы, всякие Платоны, ап. Павлы и Лютеры, эти полугоспода, живущие за счет «продажи» своих ценностей и идеалов рабам, питающие их сладким ядом, дающим забвение от реальности.

Честная политика состоит в том, чтобы толкнуть падающего, а не помогать ему социальными программами и сказками о будущем рае. Ницше пророчил, что в XX веке человечество содрогнется от мировых войн, которые будут вестись не за материальные блага, а за жизненное пространство и новые ценности. Миллионы будущих жертв его не пугают, все великое рождается из крови и судорог старого мира. «Любовь к ближнему» Ницше предлагает заменить на «любовь к дальнему», к тому сверхчеловеку, что придет после окончания эпохи нигилизма и декаданса. После окончания европейских демократий и социализмов с коммунизмами.

Сравнив две позиции, Гегеля и Ницше, по разным вопросам, касающимся власти, современности, истории, мы не можем не обнаружить некую неувязку. Она касается России и марксизма.

С точки зрения и Гегеля, и Ницше, а в первых пунктах они согласны друг с другом, Россия – страна, состоящая из господ. В самом деле государственность ее идет от викингов, которые по профессии были воинами. Как ни одна другая страна мира, Россия чаще всего отстаивала свой суверенитет в смертельных поединках. Даже период монгольского ига (хотя многие ученые склонны называть это скорее геополитическим союзом, так как Орда развивала коммуникации, защищала границы, в то же время не уничтожала Церковь, государственную княжескую власть: в пересчете на нынешние деньги и дань-то была смешной – два доллара с человека в год) можно трактовать как период юности России, когда учение и подчинение (без слома) полезно будущему господину.

Тяжелые условия северной жизни, частый голод и холод воспитывали тех, кто постепенно, через работу овладевал предметом и становился господином. Отсюда постоянные пассионарные толчки, колонизация земель, вольнолюбивое казачество и проч. Одним словом, если прав Гегель, и путь к господству лежит через рабство, то Россия была бы идеальной страной, в которой первой должен был произойти переход к «современному государству» с точки зрения Гегеля. Однако этого не произошло. Она так и осталась страной социальной, то есть страной, где господа завязаны друг на друга и являются рабами друг друга.

С другой стороны, если прав Ницше, и именно русские сохранили в себе феодализм и свойственные ему аристократичность и первозданную дикость, то гниющая Европа должна была стать добычей славян. А Россия впала в коммунизм, что наверняка бы разочаровало Ницше, доживи он до этого дня.

Поразительно вот еще что: Россия не только обманула ожидания и теории двух великих философов, но и выиграла две войны. Одну у Наполеона, которого Гегель считал воплощением и идеалом своей философии, другую у Гитлера, который, как ни крути, был довольно ярким воплощением ницшеанской воли-к-власти и таким же, как Ницше, ненавистником коммунизма.

Впрочем, можно ли считать наш русский коммунизм вульгарным материализмом? Не было ли это маской, прикрытием чего-то совершенно другого? Древнегреческий оратор Исократ посвятил большую речь («Панегирик») восхвалению Афин, победивших персов. Он задался вопросом: а почему греки победили, хотя должны были проиграть по всем раскладам? Длинная речь резюмируется тезисом: побеждает всегда более свободный народ. Но Россия-то победила Гитлера, на которого работала вся Европа. И это при том, что всевозможные Дании, Бельгии, Чехии и Польши, эти «цивилизованные, свободные страны» сдались Гитлеру за несколько недель! Брестская крепость сопротивлялась Гитлеру дольше, чем вся могущественная Франция! Точно так же было и в других войнах в нашей истории (с Наполеоном, Карлом и проч.). Можно ли вообще после этого всерьез слушать речи про «Россию страну рабов»? Не являются ли записными рабами как раз всевозможные прибалты и мелкие европейские государства, с удовольствием лежащие под первого попавшегося завоевателя или «сверхдержаву»?

Можно ли всерьез представить, что это «рабы», одержимые «материальными потребностями», которые, дескать, являются «базисом общества», бросались под танки, шли на пулеметы и воздушные тараны? А может быть, А. Стаханов совершал свои трудовые подвиги для повышения зарплаты? А выход в космос, выдающиеся достижения в математике, физике послевоенных лет? Это что, тоже делали ученые, инженеры, одержимые деньгами и карьерой?

Нет, рабская психология и вульгарный коммунизм тут ни при чем. СССР в лучшие годы был не страной рабов, а «страной героев, страной мечтателей, страной ученых» (как пелось в знаменитом «Марше энтузиастов»).

Если уж СССР и превратился в социалистическую страну рабов и потребителей материальных благ, то уже в 1970-е и 1980-е, под влиянием западной доктрины «общества потребления». Чем все кончилось в 1990-е, известно. Но даже в это смутное время были и остаются феномены, которые показывают «господскую сущность» народа. И дело даже не в брутальных парнях в малиновых пиджаках, которые правили бал в 1990-х. Все гораздо неприметнее и шире.

Один известный сценарист как-то поделился своим наблюдением. Дескать, его потрясло в Японии, как точно и быстро японская девушка кассирша продавала билеты на поезд. Нет у нее очередей, все предельно вежливо, и она целиком сосредоточена на своих функциях. А у нас? Точно такая же девушка создала в кассе очередь, а у самой в ящичке под столом лежит какая-то книжка, куда она время от времени заглядывает. Безобразие! «Может быть, хватит? – витийствует сценарист, – хватит читать книжки, займемся своими прямыми обязанностями? Тогда и жить будет комфортнее и легче и страна наша наконец-то станет “нормальной”»?

Еще пример. Две автомастерские стоят в 100 километрах друг от друга. Одна эстонская, другая русская, в Псковской области. В эстонской ремонт дешевле, и если болт не закручивается, то эстонец выкрутит его, смажет и будет аккуратно закручивать обратно. Наша фирма дороже, и аналогичный капризный болт просто забьют молотком... Вот какие эстонцы молодцы, какие цивилизованные! Не повезло нам с народом! Были бы мы как эстонцы, у нас бы сразу настала демократия и повысилось благосостояние!

Или вот еще одна узнаваемая сценка: я купил сборный мангал для шашлыка. Начинаю собирать его на даче и обнаруживаю, что в мешочке вместо четырех гаек и четырех болтов лежат восемь болтов и две гайки. Как это по-русски! Но я представил себе рабочего, который укомплектовывал мангал. Он просто взял горсть каких-то болтов и гаек, запихнул в мешочек, и в голове его пронеслась мыслишка: «Что я их считать что ли буду?».

Вот именно: не царское это дело! Вот если блоху аглицкую подковать, этот рабочий ночами бы не спал, вот если бы звездолет невиданный построить, он бы все винтики собственными руками выточил!

В самом ли деле мы хотим, чтобы эти люди, с их полным отсутствием именно рабской психологии, превратились в «нормальных и цивилизованных» эстонцев и японцев? Проект превращения России в страну лавочников и машиноподобных менеджеров и исполнителей изначально был обречен на неудачу. Тут никто не будет с охотой делать то, что уже делалось, делается и что возможно делать. Тут надо ставить целью сотворить невозможное! Только такая цель соответствует требующей постоянного самовозрастания воле.

А «русский сервис»? Ненавязчивый насколько возможно. Сервис прекрасно удается японцам, китайцам, арабам, всем азиатам. С ним неплохо справляются и дрессированные европейцы. Есть только один народ в мире, органически неспособный к сервису – русские. Потому что «серв» означает «слуга», а мы не способны быть слугами.

Определение России как «страны господ» – это определение в терминах западных, в гегелевских и ницшевских. На самом деле вместе с отрицанием рабства должно отрицаться не только господство, но и сама противоположность обоих понятий. Должна возникнуть новая оппозиция, которая иначе опишет реальность. В прежних терминах описать реальность сущности российского общества невозможно, для Запада она загадочна и страшна.

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс! Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

(Александр Блок)

Вот уж поистине Россию «аршином общим не измерить» (Тютчев). Нет, какие-то феномены, безусловно, и Гегель, и Ницше объясняют. Истины (а их теории – это истины) всегда так. Можно сказать, что человек – «двуногое и бесперое существо», и это будет истина. Можно сказать, что человек «единственный примат, имеющий мочку уха». Это тоже истина, и она верна. Но ни то ни другое не схватывает сути. Что-то очень важное пропускается этими теориями. В таких случаях феноменология предписывает взять сам исключительный феномен за основу и развивать соответствующую теорию из него. Возможно, тогда через российский опыт ученые объяснят не только отечественную историю, но и историю других стран.

Гуманитарное лидерство запада в истории

«Россия отличается от Запада тем, что она более субъективна, человечна, душевна, эмоциональна, идеалистична, романтична... Вот Запад, тот да, рационален, механистичен, научен, прагматичен, насквозь материален. Если надо разум, расчет, науку, технику, машину, то это на Запад, а если песню, душу, человечность, то это в Россию». Это убеждение, которое разделяют и элита и широкие слои общественности в России, вредное по своей сути и по воздействию на умы. Оно было оформлено в конце XIX – начале XX века плеядой русских философов и историков, а именно Хомякова, Аксакова, Соловьева, Ключевского, Бердяева, Франка, Булгакова и других.

«Единство, – возвестил оракул наших дней, —
Быть может, спаяно железом лишь и кровью».
Но мы попробуем спаять его любовью
А там посмотрим – что прочней.

Тютчев писал эти строки в противовес Западу и четко фиксировал, что на нашей стороне любовь, а на их стороне – насилие. Однако это опус из серии «поучи жену щи варить», потому что Запад всегда был силен именно в гуманитарной сфере, а насилие («жандарм Европы») воплощала тогда Россия. Сам Тютчев предпочитал жить на Западе. Да и красивые слова о любви, которая везде и во всем, он почерпнул у своего любимого философа Шеллинга – философа опять же западного. Шеллингом восхищались и Соловьев, и Бердяев и все творцы «русской идеи».

Эти мыслители, начиная с П. Чаадаева (его «Философические письма») задались вопросом: «А для чего вообще Россия существует в мире? Зачем Бог ее создал? В чем ее призвание, миссия?». Естественно, «самобытность» стали искать с помощью сравнения с другими (прежде всего с Европой). А поскольку все названные товарищи были европейски образованны, знали по несколько языков, учились у немецких профессоров и проч., то и сравнивали они Россию с Западом с помощью терминологии, которую в этих университетах усвоили, и в том отношении, в каком сама Европа себя с кем-либо сравнивала.

Например, есть в европейской философии противоположности субъективного и объективного, разума и эмоций, знания и веры. Сама Европа предписывает себе ориентацию на объективное познание с помощью разума. Русские «искатели самобытности» тут же объявляют, что оставшиеся бесхозными вера, субъективность и эмоции принадлежат России. Причем, принадлежат давно, и они лучше, чем знание, разум и объективность. Вот и весь фокус.

Никто из них даже и не задумался над тем, что прилагают к России «европейский метр» вместо того, чтобы, наоборот, попытаться Европу измерить «российским аршином». А для этого нужно породить сам «аршин», то есть собственную систему категорий, и сформировать ее на основе осмысления Бытия. А это и есть работа настоящих философов, которой наши «философы» как раз и пренебрегли.

Гораздо легче взять уже готовое западное учение и по принципу «баба Яга против» объявить своим все, что сам Запад оставил «на столе» недоеденным. Только теперь уже объявляються настоящим блюдом, а все западная пища, напротив, – помоями. Короче, все с противоположным знаком! Вы, дескать, на Западе, говорите, что эмоции – пена на поверхности океана познания, а мы, русские, говорим, что эмоции – это океан, на котором ваши знания – пена! Кто прав – неизвестно, но у нас «своя точка зрения». И нам льстит, если появляется кто-то и говорит, что, скорее всего, «истина посередине», скорее всего, «правы

и те, и те» и «надо друг друга дополнять». Более того, у нас и появляются эти «объединители» (см. например, «Философию всеединства» Соловьева). Постановка нас на одну доску с ними выглядит внушительно. Дескать, вот западная философия – у нее одна точка зрения, а вот русская – у нее другая. Они минимум «равновелики», «дополняют друг друга», «видят две стороны одной истины». Ай, Моська, знать она сильна!..

Несколько лет назад в одном гуманитарном журнале была опубликована статья «величайшего современного африканского философа»: кажется, Сенгора (имя не потрудился запомнить по той же причине, по какой никто в мире не «нагружает» себя запоминанием имен русских философов, в отличие от имен Платона, Канта, Гегеля и проч.). В предисловии говорилось, что философ этот представляет «голос Африки», которая раньше была «угнетаема колониализмом». А теперь, дескать, благодаря таким людям как этот «все стали понимать, что Африка – целый континент со своей культурой». Что она самобытна, а «самобытность надо беречь», что это «иной мир», «альтернативный Западу», «со своей точкой зрения»... За эти вот взгляды африканцы безумно любят своего первого великого философа.

Что же такого интересного было в статье? Естественно, пассажи типа «в отличие от белых, негры не рациональны, а эмоциональны»... «Они не такие объективные, как белые, но зато очень субъективны, что тоже очень важно». В неграх, в отличие от белых, «развита интуиция»... Если «белые материальны, прагматичны, то африканец очень духовен, он ставит веру выше разума...», что «белые и негры друг друга дополняют». И прочее. Такое ощущение, будто читаешь книгу Бердяева «Русская идея». Только заменили «негров» на «русских» и все. Абыдно, да?!

Так что же, негр от русского не отличается? Отличается. Мы все знаем это абсолютно точно. Но дело как раз в том, что самобытность, как России, так и Африки, исчезает именно потому, что эти сенгоры и бердяевы, все эти «славянофилы» и «негрофилы» вместо того, чтобы действительно выражать самобытность самобытно, используют чуждую этим самобытностям европейскую категориальную сетку, в которой для всех не-европейцев заготовлено общее прокрустово ложе.

Для европейца действительно все русские, негры, турки и прочие – на одно лицо (эмоциональны, с большой душой, неразумны и проч.). А то, что именно так же выходит и у славянофилов с негрофилами – говорит только об одном: сами они типичные европейцы, которые решили противопоставить себя Западу внутри западноевропейского мышления и с его же помощью.

Но чему себя противопоставляешь – от того и зависишь. Ты несамостоятелен, ты никто без этого противопоставления, отбери у тебя язык, на котором ты противоречишь, и ты вообще останешься нем, перестанешь существовать.

Понятно, почему самым большим спросом в России в начале XX века пользовались западные же ненавистники Запада. Семена упали на подготовленную почву. Такие как Маркс, Фрейд, Шпенглер и другие критики западного образа жизни, культуры, философии воспринимались здесь как «свои», их идеи, в целом довольно эпигонские, возникшие из западной традиции и, безусловно, зависимые от нее, воспринимались как то, «о чем мы тут в России давно уже говорим». В свою очередь сами антизападники внутри Запада в поисках паствы указывали на Россию как на страну, адекватную их идеям. Так и стала Россия в XX веке «негативом» Запада. Реализовала его «свое иное». Надо только помнить, что «негатив» и «позитив» – одна и та же фотография, созданная западным фотографом. Потом Запад пошел дальше, а мы стали подражать ему, теперь уже позитивному, но позавчерашнему, якобы «возвращаясь на столбовую дорогу цивилизации после коммунистического эксперимента».

Поэтому, вопреки возникшей в постсоветском духовном пространстве ностальгической моде на «русские идеи», вопреки восторженному экстазу по поводу «великой русской

философии» и ее духовности, вопреки трепетному придыханию, с которым произносятся имена Бердяева, Лосского, Булгакова и прочих, нужно твердо сказать: тот приступ русского мышления, тот урок был в целом неудачен, он был неадекватен российскому бытию, он не возвеличил, а маргинализировал и «африканизировал» Россию, он добился прямо противоположных результатов, чем те, которых пытался достичь (вместо выражения самобытности ее затемнил и извратил, вместо обоснования самостоятельности делал зависимым от противопоставления Западу). Все достижения этого урока чисто отрицательные (мы теперь знаем, как не надо мыслить), все популярные в интеллектуальных кругах идеи, имеющие корни в так называемой «русской философии», должны быть подвергнуты ревизии.

Настоящий патриот не тот, кто гордится собой, исподтишка показывая кукиш сильному, не тот, кто как моська лает на слона и тихонько лелеет мечту дожидаться, когда у врага случатся неприятности, чтобы «толкнуть слабого». Настоящий патриот должен сознавать всю серьезность и масштабность проблемы мирового лидерства и, прежде всего, правильно ее ставить.

Одним из самых прочно укорененных предрассудков нашей патриотической интеллигенции является предрассудок о чуждости материалистическому Западу всей гуманитарной проблематики.

Как только ни называют западную культуру: и бездуховной, и потребительской, и механистической... Запад рассматривается как античеловеческая, антигуманистическая цивилизация, воплощающая все самое низкое, топящая в себе все высокие устремления, ценности, идеалы. Говорят, что Запад навязывает всем свои низкие стандарты, приводит к деградации всего, кроме тела и низших потребностей – спекулируя на них, он и обеспечивает территориальную, планетарную и историческую экспансию. Вниз всегда идти легче, чем вверх, вот все человечество постепенно и увлекается Западом в пропасть. Недаром он и называется Запад – закат. Все хорошее рождалось на Востоке, а гибло на Западе, с Востока свет, с Запада – тьма. Говорят также, что залог могущества Запада в том же, в чем залог могущества зла и сатаны. Чтобы следовать им, не нужны духовные усилия, надо максимально освободить себя от всех обязательств и ответственности. Запад навязывал себя миру через экономические и потребительские стандарты, в крайнем случае, когда сопротивление духа бывает велико – через физическую силу. Кто не будет соблазнен золотым тельцом – будет изнасилован, но в любом случае – покорен...

Эти предрассудки не имеют никакого отношения к действительности. Все разговоры о том, что Запад господствует благодаря экономической мощи, что соблазняет всех потребительской, изобильной материальной жизнью основаны на желании польстить себе и не соответствуют историческим фактам. Вплоть до XVIII века Восток в целом был БОГАЧЕ Запада. Именно там, по преданию, находился библейский рай и правили могущественные цари, фараоны и императоры. Именно восточный дворец был синонимом роскоши и разврата, а восточный рынок – синонимом «рыночной экономики». Именно на Востоке пролегли великие шелковые и иные торговые пути. Как греки были бедными в сравнении с Персией, так и позже Европа времен крестовых походов была нищей в сравнении с Византией, Османской империей, Индией, Китаем.

Мнение о том, что величие Запада основано на военной силе, тоже легко опровергается историческими данными. Восток был зачастую сильнее Запада. Но Запад не захватывался и не разорялся Востоком только потому, что в нем видели дикую нищую и ненужную страну, в отличие от обильного и солнечного Востока. Во всяком случае, войны велись постоянно и с переменным успехом, о каком-то неизменном превосходстве, раз и навсегда захваченной инициативе говорить не приходится. И так вплоть до XVI–XIX веков, веков колонизации.

А вот о духовном лидерстве Запада как раз имеет смысл говорить с момента его рождения, в Греции, и с эпохи Возрождения в Европе. Именно дух обеспечил Греции победу над Персией. Именно греческий дух вел Александра Македонского и через него был распространен на всю ойкумену.

Именно греческая ученость была образцом для римлян. Именно наследниками эллинистического мира и Рима видела себя Византия. Именно от греков набирались мудрости и арабы, через которых потом Европа заново познакомилась со своими же истоками после крестовых походов.

Именно на основе возрождения прежней греко-римской философии стали возможны научные открытия Нового времени, успехи в технике, научно-техническая революция, вслед за ней военное и экономическое господство над всем миром, продолжающееся по сей день.

Господство Запада (и Америки как квинтэссенции Запада) над планетой имеет исключительно духовные, гуманитарные основания. Всякий, кто говорит о «бездуховности Запада», извращает дело с точностью до наоборот, и будет всегда заблуждаться насчет своих возможностей. Кто упорствует в этом заблуждении, не сумеет ни поставить проблему Запада и России, ни решить ее.

Мы хотим правильно поставить проблему, а значит, для начала, должны вернуться к точке размежевания Востока и Запада и понять, как Запад действительно себя идентифицировал.

Впервые Запад осознал себя Западом после победы Греции в войне с Персией. Военное поражение, нанесенное Персии, было на самом деле чудом. Ведь Персия покорила почти всю известную тогда грекам вселенную, ойкумену, уже одно это должно было сломить дух. Персидская армия была единой, а греческие полисы раздроблены, Персия была богаче, в ее распоряжении имелись и все людские ресурсы покоренных стран. Тем не менее, несколько побед греков над персами всерьез заставили задуматься о причинах превосходства.

Почитайте «Панегирик» афинского оратора Исократа. Для него, как и для его слушателей, ясно, что «кадры решают все». Основным различием между греками и персами было различие в качестве «человеческого материала», в гуманитарном превосходстве греков (причем не просто греков, а именно афинян, а не спартанцев с их жесткими антигуманитарными и антигуманистическими законами).

Разделение на «западную свободу и восточное деспотическое рабство», появившееся две с половиной тысячи лет назад, стало матрицей, в которую до сих пор упаковывают и политику, и идеологию, и науку, и искусство в самых различных масштабах.

Что, однако, означают эти «свобода» и «рабство»? Какие процессы предшествовали греческой победе? Что происходило в Греции в течение 300 лет, когда создавался невиданный качественный «человеческий материал», в результате чего каждый грек стал «стоять» сотен и даже тысяч персов?

У нас привыкли воспринимать слово «свобода» как нечто простое и легкое, как нечто естественное. То есть человек свободен от рождения, а дальше, в процессе жизни, его свобода может либо сохраняться (в лучшем случае), либо убывать и ограничиваться. Если ограничения существуют, то с ними надо бороться и возвращать себе свободу. На самом деле, конечно, никакой свободы от рождения у человека нет. С тем, что есть от природы, от рождения, человек даже выжить больше, чем несколько часов, не может. Все человеческое в человеке обеспечивается семьей, обществом и т. д. Свобода как высшее проявление духа тем более далека от природы максимально и существует скорее как исключение, нежели как правило. Даже у отдельных личностей она проявляется в редкие моменты жизни, а как общественный феномен существует в результате долгого духовного труда нескольких поколений, как и было в случае с древними греками.

Пространство свободы каждого из них обреталось через освобождение своего духа для самого духа, то есть для самого важного, что у духа есть. Когда восточный факир (или как их называли – гимнасофист), а ими была наводнена древняя Эллада, отрезал себе палец и усилием духа за несколько часов заживлял рану, это означало для грека, что дух используется не по назначению, что это подобно стрельбе из пушки по воробьям, что негоже тратить годы жизни на соответствующие тренировки по заживлению пальца, когда лучше просто приложить к ране какую-нибудь траву и забыть про болячку, а сэкономленное время потратить на то, что более достойно духа – то есть на сам дух. А вот сегодня, спустя две с половиной тысячи лет, глядя на индийского гуру, который путем десятилетних тренировок научается за час заживлять на себе раны или не чувствовать боль, современный человек приходит в восторг и даже отрекается от западной цивилизации в пользу «восточной духовности».

Но на самом деле подлинные чудеса демонстрирует как раз западная цивилизация: она может не только заживлять раны или спасать от гангрены, она победила холеру и чуму. Никакой индийский йог не может встать посреди Лондона, а через пять часов оказаться в Дели.

Но западный человек с помощью самолета запросто это делает. Многие гуру хвастаются, что разговаривают с духами и видят их (правда, этих разговоров никто не слышит), на зато все люди западной цивилизации на расстоянии в несколько тысяч километров видят и слышат друг друга с помощью телевизоров и телефонов.

Парадокс, но именно нынешний западный человек, имея за спиной очевидные преимущества «чудес техники» над чудесами восточных факиров, идет в «паломничество на Восток». А вот древний грек, который еще не имел возможности увидеть, что вырастет из «западного духа», который не мог еще предъявить восточному йогу ни телевизоров, ни самолетов, ни мобильных телефонов, тем не менее, уже тогда ощущал себя более свободным, более исторически правым, более благородным, более высоким духовно.

Конечно, все это ни исчерпывает сложный комплекс феноменов, присущих специфическому греческому (западному) духу. Взять, например, такой феномен как язык, слово, логос. Для восточного человека слова – сотрясение воздуха, нечто мимолетное, «всего лишь слова». Слова и речи используются для того, чтобы что-то скрыть, запутать, польстить, получить временное ситуативное преимущество. Слова могут применяться для восхваления и соблазнения, для просьб и приказов, но в любом случае роль языка – подчиненная.

Совсем иное отношение к слову было у греков. Как ни парадоксально, для них логос – это самое стабильное, что есть в хаотическом мире. Все меняется, логос остается. Поэтому человек должен быть послушен логосу, если хочет быть мужественным, должен не манипулировать словами, а держать слово. Держание слова, в свою очередь, запускает механизм подтверждения взаимных ожиданий, включает положительную обратную связь и увеличивает взаимное доверие членов общества, что сказывается и на политике, и на экономике.

В «Лекциях по Йенской реальной философии» Г. В. Ф. Гегель специально анализирует проблему «признания» свободного человека со стороны других свободных. Всякий человек в обществе из-за разделения труда и присущего индивидууму опыта имеет в своем сознании огромное количество хаотических впечатлений. Однако нужные друг другу люди вступают в отношения, в договор, и этот договор, это слово, этот логос есть вынесенная во вне сущность и всего сообщества и человека вообще. Тот, кто это признает, признается и членом сообщества. И он должен отвечать за свои слова.

У нас часто говорят, что из свободы вытекает ответственность. На самом деле мы видим другое: только из ответственности вытекает свобода. Только тот, кто может держать слово, и признается свободным, равным членом сообщества. А тот, кто не держит слово, – либо «принуждается к свободе», к держанию слова, либо исключается из общения, не признается свободным и человеком вообще. На него не распространяются права человека.

Свобода есть не от рождения, а там, где она признана. А где есть это признание, возникает и мультиплицированное усилие свободных в общении, в логосе. Запускаются механизмы общественного доверия, вплоть до современных юридической системы и фондовой биржи (см. экономиста Э. де Сото о секрете западного богатства). По Гегелю, такая постановка вопроса стала возможна только у греков, поскольку они впервые поняли, что свободными могут быть многие люди и разработали систему отношений между ними. На Востоке, где свободен только один (фараон, император и проч.) такая система возникнуть и не могла – за ненужностью.

Но главное в логосе – его способность не путать и скрывать, а способность открывать. Для грека логос – то, что открывает все сущие вещи. Интерпретация логоса как открывающего, как дара нацеливает грека на познание всего сущего «так-как-оно-есть-на-самом-деле». Между человеком и сущим нет искажающих преград. Точнее, есть, но они преодолимы. Важно, что принципиально человек есть тот, кто может знать истину. Истина интерпретируется как открытость, откровенность. Открытость всего сущего для человека и откровенность человека по отношению к сущему и к другому человеку.

Это бесконечно далеко от восточных хитростей и дипломатий, от восточных лести и наущничества. Это бесконечно далеко от восточного представления о том, что мир лежит во зле и что вместо истины нам дана сплошная кажимость. Поэтому понятно, что на Востоке может быть бесконечное количество мудростей и мудрецов, ведь каждый из них – автор новой иллюзии, нового обмана.

Для греков впервые во всей истории это оказалось неприемлемо, и они первыми выдвинули идеал, если так можно выразиться, «объективного познания». Восточных гуру называли мудрецами, софос. Греческие же мыслители называли себя философос – любителями мудрости. Различие здесь примерно такое же, как между пьяницей и ценителем вин. Один вливает в себя все подряд без разбора и ценит не вино, а опьянение. Другой дегустирует, выстраивает иерархию относительно соответствия данного напитка сущности вина.

Коль скоро феномен можно познавать так, как он есть, из него самого (теория), коль скоро можно выстраивать иерархию знания в зависимости от того, насколько нечто не есть оно само, возникает возможность упорядочивания и трансляции порядка другому человеку через открывающий логос. М. Фуко в «Герменевтике субъекта» утверждает: все культуры признают, что к истине надо прийти неким путем. Но для Запада приоритетным является путь познания, тогда как для Востока в истину можно попасть и через некие телесные практики. Но преимущество западного человека здесь очевидно: если восточный мудрец был просто опытным и свои практические умения, свой опыт мог передать разве что заставляя учеников пройти тем же изнурительным путем, что прошел сам, то западный ученый мог передать ученику посредством логоса готовый результат вместе с кратчайшим путем (метод по-гречески – путь) к нему. Это называлось технэ – техника.

Наука и техника исконно есть греческое и западное, в любой науке шагу нельзя ступить без греческих терминов, равно как и в методологии науки. Но все, что называется научно-техническим прогрессом, базировалось на освобождении себя для сущего-как-оно-есть, на истине как открытости, на независимом от практических потребностей созерцании (теории), на открывающем логосе. В основе «технического» лежало, как говорят, «гуманитарное», в основе «физики» – «лирика», а если быть более точным, – метафизика.

Можно услышать возражение: техника появилась в доисторические времена и совсем не на Западе. Но одно дело механические приспособления, когда одно колесо цепляется за другое, что-то давит на рычаг и толкает какой-то поршень или цапфу, и совсем иное дело техника, созданная на основе теории и вещей невидимых. Вот мобильный телефон: он ловит и распространяет волны, которые ни за что бы никто не увидел и не зацепил. Такой телефон возможен только на основе целого мира, который помыслен определенным образом, в рам-

ках западной науки. Древняя техника и восточная механика никак не интегрировала невидимый метафизический мир в технику.

Слово «идея» когда-то было непривычным для греческого уха. Греческий знал слово «эйдос» – вид. Платон намеренно ввел неологизм, чтобы обратить на него внимание как на центральный для своего мышления. Со временем, по выражению В. Маяковского, слово «затерлось», вошло в привычку, изветшало «как платье». Сегодня трудно представить себе даже очень необразованного человека, который бы вообще мог обойтись без слова «идея». Даже глупые американские подростки говорят: «У меня есть идея», и если бы это слово вдруг было табуировано, они бы чувствовали себя как без рук.

Кажется, идея – нечто общее для неких вещей. Например, идея стола есть все общее, что есть у всех столов. Естественно, никто никогда не имел в восприятии все столы и не имел возможности сравнивать их. Общее есть сразу и в одном. Столы могут быть оловянными, деревянными, стеклянными, круглыми, квадратными и проч., но главное, они есть рудимент или икона алтаря для предложения пищи человеку, так же как на алтаре пища приносится Богу.

Главное в вещи ее функциональность, ее для-чего. Все для-чего отсылают друг к другу (все для чего-то: трава для коровы, корова для молока, молоко для здоровья...). Мир идей, мир сцеплений всех для-чего образует койнон (единое) идей. А над всеми идеями высится Идея Блага, Агафон, то есть собственно идея длячегости, полезности, удобства (недаром слово «добро» стоит в родстве со словом у-добно, доб-ротнo). От этой Идеи Блага Платона через всю западную философию идет путь к понятию «ценности», центральному для Ницше и неокантианства, модных в начале XX века.

Превращение полезности в значимость – отдельная тема, важно же, что слово ценность – западного происхождения. Поэтому когда многие говорят об общечеловеческих, исламских или христианских ценностях, то они уже перетолковывают все на западный манер и смотрят на все с западной колокольни. Когда в XX веке началась культурологическая война в защиту «ценностей разных культур» против западных ценностей, в этом не было и нет ничего, кроме недоразумения. То же самое можно сказать и обо всех других случаях использования западного дискурса для войны с самим Западом.

Например, когда говорят, что «Запад объективен, а не субъективен», то забывают или не знают, что слово «субъект» было создано Декартом, теории субъективности прорабатывались затем Спинозой, Лейбницем, Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем, Ницше. И все это представляет единую традицию, в том числе и Ницше, несмотря, а скорее даже благодаря переворачиванию и радикализации проблематики Декарта. Термин «суб-ъект» (подлежащее) был призван зафиксировать уникальное положение человека, человека – хозяина всего сущего. Это ли не западная установка?

Когда говорят, что «Запад рационален, а не эмоционален», то забывают или не знают, что все «психологии» и «теории души» были проработаны уже у Аристотеля. Что теория аффектов была проработана у Спинозы, теория эмоций – в английской философии, а «новаторство» Фрейда, Юнга и весь расцвет психологической проблематики в XX веке – это прежде всего западное явление!

Когда ищут, например, «призвание России» и «русскую идею», тоже забывают или не знают, что концепция «призвания» была рождена в протестантской теологии Лютера, конститутивной для Запада, если верить Веберу. А слово «идея», как уже было сказано, выдуманно Платоном – одним из отцов-основателей всего западноевропейского мира. Об этом надлежит вспоминать всякий раз, когда кто-то ругает Запад за его «материализм», а Россию называет «идеократической цивилизацией». Да, слово «материя» тоже западное (из Аристотеля), но это не отменяет того факта, что идеализм – вообще сущность Запада.

Когда Запад ругают за антигуманизм, то забывают или не знают, что слово «гуманизм» было создано в древнем Риме, возродилось в эпоху Возрождения и с тех пор неустанно наполнялось новыми смыслами, вплоть до марксистской, экзистенциалистской и постмодернистской интерпретации гуманизма.

Учение Маркса, западное по происхождению и по сути, возможно, самое западное, поскольку ставит развитие всей культуры (надстройки) общества в зависимость от развития техники (производительных сил), захватило не только Запад, но и Россию, Китай, Корею, Индию, Африку, Южную Америку. Там марксизм был знаменем антизападных, антиамериканских движений. В другом виде марксизм остался и на самом Западе. Это социализм, тред-юнионизм, левизна всех видов, это интернационализм, мода на политкорректность.

Все разговоры о том, что каждый имеет право на свой голос, и негр, и гей, и солдат, и моряк, и сумасшедший, и заключенный, и женщина, и чеченец, и любой представитель любого меньшинства, все эти разговоры – западное явление. Когда Э. Саид дерзко в книге «Ориентализм» писал о том, что Запад не понимает Востока и репрессирует его уже на уровне дискурса, это придумал не сам Восток. Э. Саид начитался западных постмодернистов. Этот постмодернизм создавал Деррида и другие французские интеллектуалы в Париже, да и сам Саид больше промышлял по американским университетам, чем жил в родных палестинах.

Мы мыслим на языке Запада, все человечество мыслит на западном языке. Нет, каждый может коммуницировать на арабском, японском и даже мумбу-юмбу. Но когда он начинает коммуницировать по поводу коммуникации, то переходит на метаязык, язык западный. Каждый может познавать на своем урду или хинди, но когда начинает познавать познание, когда начинает объяснять, он переходит на категории, на понятия, на метаязык – на западный язык. Но то, как ты мыслишь, тобой и владеет. Запад владеет миром через дискурс, через правила и категории.

Разве язык экономики во всем мире с ее инвестициями, прибылями, стоимостями и инфляциями не западный? Другого нет. А язык политики с ее демократиями, разделениями властей, выборами, тоталитаризмами и феодализмами? Западные концепции, и других нет. И так в каждой, хоть гуманитарной, хоть естественной, а тем более в технической дисциплине!

Но и это еще не все. Запад ненавязчиво правит миром через самую используемую технику. Абсолютная глупость считать, что техника – только средство, которое де можно использовать как во благо, так и во зло, что она инструмент, она нейтральна. Техника родилась в особом мире и требует для себя особой онтологии, которую и воспроизводит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.